

НАРОДОПРАВСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1917 г.

г.г.

№ 8.

1 Сентября.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРОФ. Е. СПЕКТОРСКИЙ. САМООПРЕДѢЛЕНІЕ И НАЦІИ.
М. ПРИШВИНЪ. ОТЕЦЪ СПИРИДОНЪ.
ПРОФ. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. КАКАЯ КОНСТИТУЦІЯ НУЖНА РОССІИ, ПОДАТЛИВАЯ ИЛИ НЕПОДАТЛИВАЯ?
БОРИСЪ КРЕМНЕВЪ. ПИСЬМА СО СТОРОНЫ. I.
Д. АРКИНЪ. СУДЬБА ЯЗЫКА.

Е. КОРОВИНЪ. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ КОМИССАРЫ ПРИ РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ АРМІЯХЪ.
ПРОФ. М. И. СОБОЛЕВЪ. ФИНАНСОВАЯ РАЗРУХА.
Н. М. ЮРДАНСКИЙ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.
Б. С. ХРОНИКА ПРОСВѢТИТЕЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ОДИНЪ МѢСЯЦЪ—1 Р. 20 К., НА ТРИ МѢСЯЦА—3 РУБ. ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НУМЕРА—30 К.
ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЬЗУЮТСЯ КРЕДИТОМЪ И ЛЬГОТНЫМИ
УСЛОВІЯМИ ПРИ ВЫПИСКѢ НЕ МЕНѢ СТА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

Адресъ конторы:

Москва. Б. Дмитровка, 13 (ходъ съ переулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи:

Москва. Солянка, д. 1, кв. 88.
Тел. 3-97-14.

Отдѣленіе конторы въ Петроградѣ:
Невскій, 100. «Посредникъ печати».

Цѣна 30 коп

САМООПРЕДѢЛЕНИЕ И НАЦИИ.

Среди тѣхъ, поражающихъ не столько своею убѣдительносью, сколько убѣжденностью, политическихъ формулъ, которыя теперь считаются какъ бы своего рода аксіомами, не нуждающимися ни въ обоснованіи, ни даже въ объясненіи, далеко не послѣднее мѣсто занимаетъ «самоопредѣленіе націй». Формула эта, притязающая на всемірное значеніе (хотя, напри- мѣръ, на французскій языкъ ее нельзя даже и перевести), имѣетъ у насъ теперь почти официальное значеніе какъ для международныхъ дѣлъ, такъ и для внутрисоциальныхъ. Это одинъ изъ догматовъ весьма обширныхъ и весьма вліятельныхъ круговъ нашей молодой демократіи. И какъ всякіи догматы, эта формула у вѣрующихъ въ нее не вызываетъ потребности болѣе детального анализа. Вѣрѣ необходимо паѳосъ, а не анализъ. Всякое изслѣдованіе догмата можетъ привести къ его разрушенію и во всякомъ случаѣ угрожаетъ его непререкаемости. Но поскольку все-таки и можно и должно вносить анализъ въ насъ возвышающій обманъ, постольку желательнѣе установить, какое собственно реальное содержаніе заключаетъ въ себѣ или можетъ заключать тотъ или иной политическій лозунгъ. Относительно самоопредѣленія націй это тѣмъ легче сдѣлать, что у насъ есть аналогія въ прошломъ, именно въ исторіи величія и упадка догмата самоопредѣленія человѣческихъ индивидовъ.

I.

Самоопредѣленіе націи означаетъ чистѣйшій національный либерализмъ. Либерализмъ же означаетъ отказъ отъ вмѣшательства государственной власти. Ему противопоставляется полиціеизмъ, настаивающій на необходимости государственной опеки. Государство было полиційскимъ по отношенію къ личности въ XVII и особенно XVIII вѣкѣ. Тогда государственная власть брала на себя заботу не только о безопасности своихъ подданныхъ, но также и о ихъ благосостояніи какъ общественномъ, такъ и личномъ. Всякая самодѣятельность населенія исключалась. Отъ него требовалось только одно—безусловное повиновеніе приказаніямъ, запрещеніямъ и разрѣшеніямъ, исходившимъ отъ властей, которыя всецѣло брали на себя отвѣтственность за результаты. Благополучіе общества считалось результатомъ правительственныхъ на этотъ счетъ распоряженій. А его неблагополучіе приписывалось или злой волѣ правителей, или недостаточности уже сдѣланныхъ распоряженій и необходимости еще какихъ-то новыхъ. Такъ именно при Людовикѣ XIV въ теченіе 21 года управлялъ финансами и хозяйствомъ Франціи Кольберъ, запрещавшій свободный вывозъ золота, декретировавшій способъ производства и качество товаровъ, напри- мѣръ, плотность сукна и т. п. Все это совершенно парализовало свободу французской торговли и промышленности. И посему, когда Кольберъ пригласилъ представителей купечества для обсужденія новыхъ меркантильныхъ мѣропріятій, одинъ изъ нихъ, къ его изумленію и даже негодованію, отвѣтилъ ему: *laissez-nous faire*, предоставьте намъ самимъ дѣйствовать. Это было едва ли не первое требованіе самоопредѣленія—экономическаго самоопредѣленія индивидовъ. Мысль эта въ формѣ *laissez faire, laissez passer* (пусть дѣлаютъ, да сбудется) стала основнымъ требованіемъ фран-

цузскихъ фізіократовъ второй половины XVIII вѣка, увѣрявшихъ, что если отказаться отъ вмѣшательства въ хозяйственную жизнь искусственныхъ государственныхъ законовъ и предоставить ей естественную свободу, то немедленно вступятъ въ силу естественные законы, которые и создадутъ наилучшій порядокъ и наилучшую гармонию. Такимъ же образомъ разсуждалъ и Адамъ Смитъ, увѣрявшій, что всякое правительственное мѣропріятіе напоминаетъ черепаху въ погонѣ за зайцемъ и что наилучшее мѣропріятіе по отношенію къ хозяйственной, по крайней мѣрѣ, жизни—это отказъ отъ какихъ бы то ни было мѣропріятій. Такъ явилось требованіе экономическаго либерализма и хозяйственнаго самоопредѣленія индивидовъ. Рядомъ съ этимъ въ XVIII вѣкѣ шло требованіе либерализма и по отношенію къ другимъ сторонамъ жизни индивидовъ. «Человѣкъ рожденъ свободнымъ, увѣрялъ Руссо, и всюду онъ въ оковахъ». Требовали, чтобы оковы были сняты и чтобы человѣку была возвращена его естественная свобода. Аксиомою естественнаго, т.-е. безспорнаго, самоочевиднаго права считали освобожденіе личности, предоставленіе ей свободы духовнаго, социальнаго и матеріальнаго самоопредѣленія. И такъ какъ при этомъ высказывалось убѣжденіе, что человѣкъ отъ природы добръ и что люди отъ природы же подобны и даже тождественны другъ другу, то вѣрили, что провозглашеніе людей свободными и равными можетъ установить если и не всеобщее счастье, то по крайней мѣрѣ наибольшее счастье наибольшаго количества людей. Эта вѣра была усвоена французскою революціею, которая и завѣщала XIX вѣку принципъ свободы индивидовъ. При этомъ, какъ объяснялъ Константъ, имѣлась въ виду не свобода древнихъ, а свобода новая, не античная свобода гражданъ въ качествѣ законодателей и вообще участниковъ народнаго собранія подчинять свою собственную личную и общественную жизнь деспотизму государства, а свобода отъ государственнаго вмѣшательства, свобода самоопредѣляться въ личной и общественной жизни. На началѣхъ такой именно свободы былъ построенъ гражданскій кодексъ Наполеона 1804 года. Законъ отказывался считаться съ неравенствомъ природныхъ силъ или накопленныхъ благъ, какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ, у отдѣльныхъ индивидовъ. Онъ видѣлъ или хотѣлъ видѣть только формально равныхъ гражданъ; и онъ предоставлялъ имъ свободу личнаго, семейнаго и имущественнаго самоопредѣленія. Эгоизмъ личности былъ признанъ священнымъ и неприкосновеннымъ принципомъ права. И свобода личностей казалась наилучшимъ разрѣшеніемъ социальнаго вопроса. Экономисты либеральной школы славословили такой порядокъ и находили въ немъ социальную гармонию, осуществленіе общаго блага черезъ эгоистическое самоопредѣленіе конкурирующихъ другъ съ другомъ индивидовъ.

Однако результаты всей этой системы далеко не оправдали всѣхъ ея ожиданій. Установленіе искусственнаго юридическаго равенства людей оказалось, какъ выразилась г-жа Сталь, возстановленіемъ ихъ естественнаго неравенства. А одинаковая для всѣхъ свобода для болѣе слабыхъ свелась, какъ стали говорить, къ свободѣ умирать съ голоду. Общество самоопредѣляющихся индивидовъ превратилось въ львиное, какъ выражались еще древніе римляне, общество, въ соединеніе львовъ и ягнятъ. Явилась

новая, уже не политическая, а социальная иерархия. Исчезли феодалы, дворяне старого, средневекового типа. Зато, как утверждал Сенъ-Симонъ, появились новые, промышленные феодалы и бароны. Исчезла аристократия. Зато появилась плутократия. Словия исчезли, для того чтобы уступить мѣсто классамъ. Общность эгоистическихъ интересовъ объединила индивидовъ въ классы. Началась классовая борьба, по своей ожесточенности, пожалуй, даже превзошедшая прежнюю сословную борьбу. И такъ какъ эта борьба стала вестись также и за государственную власть, которую каждый классъ сталъ стараться захватить съ тѣмъ, чтобы провозгласить диктатуру своихъ классовыхъ интересовъ, то государство уже никакъ не могло остаться въ роли ночного сторожа, охраняющаго покой обывателей, какъ выразился Лассаль, или въ роли Пилата, нейтрально умывающего себѣ руки. Пришлось оставить теорію и практику «правового государства», занятого только обеспеченіемъ свободы самоопредѣленія индивидовъ. Пришлось перейти на путь социальной политики, дѣятельно вмѣшивающейся въ гражданскую борьбу съ тѣмъ, чтобы поддержать слабыхъ, спасти ихъ отъ эксплуатации и вырожденія и вообще смягчить классовую рознь. Сообразно съ этимъ безграничное самоопредѣленіе индивидовъ должно было уступить мѣсто властному вмѣшательству государственнаго авторитета и государственной силы въ порожденную этимъ самоопредѣленіемъ классовую борьбу.

II.

Такова бывшая судьба самоопредѣленія индивидовъ. Не такова ли и будущая судьба самоопредѣленія націй? Тѣ, которые мечтаютъ о такомъ самоопредѣленіи, полагаютъ, что каждая нація—это какъ бы живое цѣлое, какъ бы особый социальный индивидъ съ особымъ національнымъ духомъ. И такъ какъ гдѣ духъ, тамъ и свобода, то нація требуетъ для себя свободы. Всякаго рода государственное вмѣшательство въ национальную жизнь при этомъ такъ же рѣшительно осуждается, какъ въ свое время осуждалось вмѣшательство въ жизнь индивидуальную. Национальный полицеизмъ отвергается, также какъ и полицеизмъ индивидуальный. При этомъ тоже вѣруютъ и надѣются, что совмѣстная жизнь самоопредѣляющихся націй создастъ стройный, гармоническій хоръ, и что национальное соревнованіе только повысить уровень культуры, сообщить ей многоцвѣтность и красочность. Каждая нація разсматривается, какъ Лейбница монада—существо, развивающееся только изъ самого себя, абсолютно самодовлѣющее, у котораго нѣтъ ни оконъ, ни дверей для того, чтобы впустить и воспринимать что бы то ни было постороннее или уходить куда бы то ни было, на чье бы то ни было чужое мѣсто. Сообразно съ этимъ появляется убѣжденіе, что какъ бы ни самоопредѣлялась нація, она будетъ развивать только свое собственное содержаніе. Значитъ, эгоизмъ самоопредѣленія однихъ націй нисколько не мѣшаетъ другимъ націямъ, тоже эгоистически самоопредѣляющимся. И посему долженъ получиться наилучшій изъ возможныхъ міровъ.

Будущее, конечно, темно. И далеко еще не всѣ чудеса изжиты. Можно ожидать чудесъ и отъ будущаго самоопредѣленія націй, особенно того чуда, о которомъ мечтали еще пророкъ Исаія—чуда пре-

кращенія нападеній сильныхъ на слабыхъ. Однако современное положеніе національнаго вопроса даетъ основаніе сомнѣваться въ томъ, что мы приближаемся къ этому чуду. Национальное самоопредѣленіе отнюдь не означаетъ отказа отъ национализма. Оно означаетъ лишь отказъ отъ государственнаго национализма и переходъ къ национализму общественному. Государственный национализмъ состоитъ въ томъ, что одна нація признается привилегированною и даже господствующею въ данномъ государствѣ, а остальные едва лишь терпятъ, какъ націи инородныя или инородческія. Общественный же национализмъ состоитъ въ томъ, что каждая нація сама стремится господствовать, самоопредѣляясь, при полномъ нейтралитетѣ, полномъ безучастіи государственной власти. Но всякій национализмъ эгоистиченъ и агрессивенъ. Онъ эгоистиченъ потому, что появленіе национализма всегда означаетъ отказъ націи отъ безсознательнаго взаимодействія съ другими націями и стремленіе къ сознательному противодѣйствию имъ. Националистическая нація ревниво оберегаетъ свой языкъ, свой бытъ отъ чужеродныхъ примѣсей. Дорожа болѣе различіемъ, чѣмъ сходствомъ, она готова замѣнить прогрессъ регрессомъ, если реставрація прошлаго сулитъ ей большую обособленность, чѣмъ все уравнивающій духъ нашего демократическаго времени. Такая нація не протягиваетъ руки другимъ націямъ, а становится къ нимъ спиною. Или, если она и поворачивается къ другимъ націямъ, то для того, чтобы нанести имъ болѣе или менѣе чувствительный ударъ. Это неизбежно, ибо всякій национализмъ агрессивенъ. У каждой націи всегда имѣется тотъ или иной домашній, старый споръ съ другими націями. И какъ бы этотъ споръ ни казался ужъ взвѣшеннымъ судьбою, национализмъ всегда мыслить его только въ видѣ полной побѣды надъ другими націями. Трудно найти хоть одну націю, у которой не было бы такихъ споровъ относительно той или иной территории, того или иного населенія, тѣхъ или иныхъ благъ какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ. Какъ, напримеръ, самоопредѣлить Вильну? Кто примиритъ польское и украинское самоопредѣленіе или сербское и хорватское? И удивительно, что чѣмъ ближе нація другъ къ другу, тѣмъ, подтверждая замѣчаніе Аристотеля: «тяжки войны между братьями», непримиримѣе вражда между ними. Это слишкомъ хорошо иллюстрируется плачевною судьбою славянской взаимности. Не напрасно одинъ бывалый австріецъ (Шпрингеръ) увѣряетъ, что даже самъ Господь Богъ не могъ бы помирить между собою всѣхъ націи. А другой австріецъ (Гупфловичъ) полагалъ, что естественный законъ націй—это ихъ борьба, въ которой большія націи поглощаютъ меньшія съ тѣмъ, чтобы, въ свою очередь, быть поглощенными еще большими.

Такимъ образомъ национальный либерализмъ означаетъ не прекращеніе національной борьбы, а, совсѣмъ напротивъ, предоставленіе ей полнаго простора вмѣстѣ съ признаніемъ формальнаго равенства всѣхъ націй, какъ сильныхъ, такъ и слабыхъ, какъ культурныхъ, такъ и отсталыхъ. По аналогіи съ судьбою индивидуальнаго либерализма можно предсказать, что такая борьба создастъ не соединеніе, а разъединеніе съ рѣзко выраженнымъ стремленіемъ однихъ націй къ господству надъ другими: это стремленіе проявятъ культурно и матеріально сильныя націи по отношенію къ націямъ слабымъ, націямъ-пролетаріямъ (т.-е.

такимъ, которыя богаты только болѣе или менѣе обильнымъ потомствомъ, proles). Какая же при этомъ участь предстоитъ государству какъ таковому? Это зависитъ отъ того, удастся ли самоопредѣляющимся націямъ сдѣлать то, что до сихъ поръ еще по крайней мѣрѣ не удалось индивидамъ, самоопредѣлившимся какъ классы, именно всецѣло овладѣть государственною властью. Если да, то общественный национализмъ сгнетъ национализмомъ государственнымъ. И тогда появятся националистическія государства, отдѣленныя китайскою стѣною отъ другихъ, тоже националистическихъ государствъ. Если же нѣтъ и если государство останется наднациональнымъ, какъ оно и до сихъ поръ, несмотря на утверждения марксистовъ, остается, наиндивидуальнымъ и надклассовымъ, то ему придется отказаться отъ чистаго національнаго либерализма, какъ оно отказалось отъ индивидуальнаго либерализма. И къ социальной политикѣ ему придется присоединить еще национальную политику, политику спасенія пролетарскихъ націй отъ національнаго поглощенія или эксплуатаціи, вообще политику умиротворенія националистическихъ страстей. Въмѣсто общественнаго самоопредѣленія націй, чего добраго, появится государственное опредѣленіе націй. И тогда людямъ, вѣрующимъ въ магическую силу политическихъ лозунговъ, придется придумать какія-нибудь новыя формулы. Такова трагедія или, быть-можетъ, просто комедія той еще никогда и никѣмъ вполне удовлетворительно не разрѣшенной вѣчной загадки, которая именуется благоустроенною государственною и общественною жизнью.

Е. Спекторскій.

ОТЕЦЪ СПИРИДОНЪ.

I.

Передъ войной, когда жили мы не спѣша, удалось мнѣ до самаго океана пройти весь сѣверный край, все это государство, умершее и нынѣ существующее, какъ сказка, внутри живого, обыкновеннаго. Встрѣчи съ людьми далекихъ временъ бывали въ лѣсахъ, на берегахъ порожистыхъ рѣкъ и спокойныхъ озеръ. Мѣшались по волѣ сказителей времена и сроки, но одно было у всѣхъ:

— Близокъ часъ,—говорилъ они,—скоро Хозяинъ будетъ собирать урожай, плоды падаютъ зрѣлые, нивы давно побѣлѣли.

Съ улыбкой, какъ сказку, слушали мы тогда о признакахъ конца этого свѣта: что телеграфная проволока опутала землю, что люди стали ходить подъ крышами-зонтиками, что все сосчитали, и землемѣрная цѣпь антихриста пролегла по всѣмъ заповѣднымъ лѣсамъ сѣвера. Теперь, во время войны, безъ улыбки оглядываешься въ ту сторону и думаешь: «ужъ и вправду ли не сбывается, не Хозяинъ ли это у насъ собираетъ свой урожай?!»

Обойдя все это умершее государство такъ, будто шель по землѣ, бывшей нѣкогда морскимъ дномъ, подъ конецъ я посѣтилъ древній городъ, столицу этого государства. Городъ остановилъ меня краской великаго множества древнихъ храмовъ, а въ ликѣ всюду изображеннаго Христа было странное сходство съ чертами суровыхъ лицъ поморовъ, и какъ будто онъ говорилъ, какъ поморы:

— Близокъ часъ, скоро Отецъ Мой начнегъ собирать урожай, вѣтви склонились отъ зрѣлыхъ плодовъ, нивы давно побѣлѣли.

Жизнь настоящаго времени была въ этомъ городѣ жалкая, какъ рубище нищаго. Но терялась мѣра текущаго времени въ этомъ древнемъ городѣ, и часто я здѣсь забывалъ даже часы завести. Время тутъ люди считали по звону къ заутренѣ, къ обѣднѣ, къ вечернѣ.

— Ну, что ваши говорятъ?—спросить одинъ.

Другой отвѣчаетъ:

— Стоять, да вотъ сейчасъ къ вечернѣ звонили.

Сколько сказаніи, легенды и преданія сохранилось въ городѣ: вотъ камень, на которомъ одинъ святой приплылъ сюда изъ Рима, вотъ умывальникъ, куда святой заключилъ чорта и потомъ ѣздилъ на немъ верхомъ—это всѣмъ извѣстное. А сколько тутъ неизвѣстнаго—ни перечестъ, ни пересказать, дворъ каждаго жителя неразрытый курганъ. Особенно нравилось мнѣ одно сказаніе въ мергвомъ городѣ, какъ нѣкогда изъ оскверненнаго мѣста въ лѣсную глушь церковь ушла съ семью праведниками и тамъ теперь пребываетъ: умираетъ одинъ изъ семи, на его мѣсто является новый, и такъ вѣчно, до скончанія міра эти семь молятся и этимъ держатся, не обрываясь, родъ человѣчскій.

II.

Есть въ этомъ городѣ священникъ отецъ Спиридонъ, человѣкъ старый. Живетъ онъ, какъ обыкновенный священникъ въ одномъ изъ деревянныхъ церковныхъ домиковъ, женатъ, имѣетъ дѣтей. Матушка, тоже старая, еще съ нимъ, дѣти разбрелись по свѣту. Когда я захожу къ старику, то всегда вспоминаю сказаніе о семи праведникахъ. Стою на ступенькѣ дома, зимой заваленной снѣгомъ, безъ слѣда человѣческаго, съ волненіемъ ожидаю: «живъ ли, не ушелъ ли?» Вытягиваю изъ воротъ проволоку, пускаю, что-то звенитъ, лаеетъ собака, а калитка все не открывается. Я уже привыкъ къ этому долгому ожиданію, знаю, что матушка въ это время мечется, ищетъ что-нибудь накинуть на себя. Открывается форточка: показывается лицо ея: отецъ Спиридонъ еще съ нами. Гремятъ, звенятъ крючки, замки, всякіе тяжелые запоры-засовы: за семью затворами живетъ человѣкъ, мимоходомъ пройдеши, ничего не увидишь. Я, хороши знакомый, и то сколько привыкаю къ тишинѣ, окружающей старца.

— Матка!—зоветъ время отъ времени отецъ Спиридонъ свою матушку.

Она появляется съ подносомъ, вся въ ровныхъ мелкихъ морщинкахъ и съ такимъ вещнымъ взглядомъ, что ничего отъ нея не укроется: пролети паутинка—дунеть, проползи паучишка въ булавочную головку—схватить. Замѣтила нагаръ на свѣчкѣ, ни за что не успѣешь разобрать, какъ она его удалила, только видишь,—меркнетъ свѣча безъ чернаго крючка въ пламени.

— Ты что это?—разсѣяннo спрашиваетъ отецъ Спиридонъ.

И матушка на это всегда отвѣчаетъ какимъ-то «фигаро». Я долго не понималъ, что бы значило это «фигаро» и по правдѣ до сихъ поръ не знаю, только думаю, что «фи», значить, скверно, потомъ еще гарь и вмѣстѣ выходитъ приличное для гостя названіе французской газеты «Figaro», а главное сокращаетъ слож-

ную фразу: «ничего, ничего, это я такъ, бесѣдуйте, дрянъ тутъ нагорѣла, такъ вотъ я ее»..

Шмыгнула матушка; и опять у насъ съ отцомъ Спиридономъ не ладится разговоръ, у меня мелькаетъ разное такое фигуро, а онъ рождаетъ слова, какъ дѣтей, въ мукахъ.

Великую свою тайну открылъ мнѣ отецъ Спиридонъ въ одну изъ такихъ минутъ: разъ открылъ мнѣ отецъ Спиридонъ, за кого онъ вынулъ частицу въ проскомидии, за Льва Толстого, за Льва! Слово за слово разговорились, и еще узналъ я: за папу римскаго давно ужъ молится отецъ Спиридонъ, за Лютера, за князя Кропоткина, какъ шла жизнь, о чемъ думалъ,— находилъ лицъ тѣхъ и вынималъ частицу, и такъ ихъ много живыхъ и мертвыхъ людей, скопилось въ церкви отца Спиридона. Тутъ были французы, нѣмцы и евреи, и христане, и язычники, и кого, кого тутъ не было. Для всѣхъ нихъ отецъ Спиридонъ строилъ великій храмъ, подобный храму Соломонову. Это храмъ св. Троицы, гдѣ весь мѣръ сходится во имя Отца и Сына и Святого Духа.

III.

Въ началѣ войны я посѣтилъ отца Спиридона. «Какъ-то онъ теперь молится,—думалъ я,—во время войны за соединеніе всѣхъ людей въ одну церковь?» И вотъ снова я сижу у знакомаго круглаго столика. Отецъ Спиридонъ подходитъ къ окну, всматривается, вслушивается. Новые, необычайные звуки врываются въ тишину его жилища: вопли женщинъ, какъ на похоронные заплачки, скрипъ тележки смерти и пѣсни солдатъ. Въ этотъ вечеръ окончились тамъ какія-то большія приготовления и все двигалъ съ вперёдъ. Мы видѣли, какъ по улицѣ прямой къ выходу изъ города на западъ, гдѣ садилось теперь солнце, съ пѣснями двигались войска, рядомъ съ ними шли съ узелками въ рукахъ плачущія женщины, и тамъ дальше за городомъ, куда хватить глазъ, до самаго солнца, все были штыки. Тамъ все пѣли, а здѣсь плакали.

Въ необычайномъ волненіи отецъ Спиридонъ сказалъ:

— Я на минутку былъ съ ними, и меня потянуло... меня...

Это было начало нашего разговора, и въ этотъ вечеръ я узналъ, что храмъ св. Троицы все строится и отецъ Спиридонъ теперь молится за виновника войны.

— За Вильгельма?—спросилъ я.

Невѣрно и некстати вышелъ мой вопросъ. Нѣтъ, не за Вильгельма: отецъ Спиридонъ нашель въ себѣ силу вынуть частицу...

— За то существо,—какъ выразился отецъ Спиридонъ.

И, будучи не въ силахъ выговорить «дьяволь», рассказалъ мнѣ, какъ онъ понимаетъ «то существо»—причину войны.

Въ этотъ разъ, опять, какъ будто про отца Спиридона я записалъ въ этомъ древнемъ городѣ другое сказаніе: въ одной церкви служилъ священникъ живымъ людямъ обѣдни; когда плохо стало между этими живыми, священникъ скрылся и невидимый сталъ ночью служить людямъ умершимъ. Такъ и говорятъ въ этомъ городѣ старые люди, когда слышатъ звонъ среди ночи: «это невидимый батюшка служить обѣдню покойникамъ».

М. Пришвинъ.

КАКАЯ КОНСТИТУЦІЯ НУЖНА РОССИИ?

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Податливая или неподатливая?

1. Среди вопросовъ, которыми должно будетъ заняться русское Учредительное Собраніе, необходимо встанетъ и вопросъ о томъ, должна ли быть русская конституція *податливой* или *неподатливой*. Дѣло здѣсь вотъ въ чемъ. Конституція можетъ быть пересматриваема (измѣняема или замѣняема) въ томъ же законодательномъ порядкѣ, какъ и всякій другой, хотя бы и самый незначительный законъ, или пересмотръ ея можетъ быть поставленъ въ болѣе затруднительныя условія, чѣмъ пересмотръ любого другого закона. Конституціи перваго рода называются податливыми, конституціи второго — неподатливыми. Примѣромъ податливой конституціи можетъ служить англійская конституція, примѣромъ неподатливой—любая изъ современныхъ европейскихъ и американскихъ конституціи.

Особой неподатливостью отличались французскія конституціи эпохи первой революціи; по, на примѣръ, и конституція Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, дѣйствующая до сихъ поръ, также отличается большою неподатливостью. Въ самомъ дѣлѣ, титулъ VII французской конституціи 1791 года устанавливалъ слѣдующій порядокъ пересмотра: три законодательныхъ собранія подъ рядъ должны высказаться за пересмотръ конституціи въ томъ или другомъ размѣрѣ; если это произошло, то четвертое собраніе, пополненное 249 членами, обращается въ національное собраніе, которое и можетъ пересмотрѣть конституцію, но лишь постольку, поскольку это установлено предыдущими тремя собраніями. Въ свою очередь, во французской конституціи 1793 г. были установлены слѣдующія условія пересмотра:

«Ст. 115. Если десятая часть правильно организованныхъ первичныхъ собраній въ каждомъ изъ болѣе чѣмъ половины департаментовъ требуетъ пересмотра конституціоннаго акта, то для измѣненія нѣкоторыхъ его статей законодательный корпусъ созываетъ всѣ первичныя собранія республики, чтобы освѣдомиться, долженъ ли быть созванъ національный конвентъ».

«Ст. 116. Национальный конвентъ организуется такъ же, какъ и законодательное собраніе и объединяетъ въ себѣ его власть».

«Ст. 117. Онъ занимается пересмотромъ лишь тѣхъ статей конституціи, которыя послужили причинами его созыва».

Равнымъ образомъ, по ст. V конституціи Соед. Штатовъ, условія пересмотра таковы: «Конгрессъ, каждый разъ, когда двѣ трети обѣихъ палатъ признаютъ то необходимымъ, будетъ предлагать измѣненія настоящей конституціи, или по представленію законодательныхъ собраній двухъ третей отдѣльныхъ штатовъ, будетъ созывать конвентъ для предложенныхъ измѣненій; послѣднія будутъ имѣть полную во всѣхъ отношеніяхъ и случаяхъ силу, какъ часть настоящей конституціи, когда будутъ утверждены законодательными собраніями трехъ четвертей отдѣльныхъ штатовъ или конвентами, въ трехъ четвертяхъ изъ нихъ, сообразно тому, первый или второй способъ утверждения предлагается конгрессомъ».

Спрашивается, какой же порядок пересмотра конституций лучше, податливый или неподатливый?

2. Большим сторонником податливых конституций является англійскій ученый Дайси. Въ своихъ, разсужденіяхъ онъ опирается на опытъ Франціи и Англии. Во Франціи, на протяженіи менѣе чѣмъ ста лѣтъ (отъ 1791 по 1875 г.) смѣнилось двѣнадцать конституцій; всѣ онѣ, за исключеніемъ двухъ, отличались неподатливостью и, тѣмъ не менѣе, каждая изъ нихъ, въ среднемъ, просуществовала менѣе десяти лѣтъ; при чемъ смѣна одной неподатливой конституціи другой обычно происходила революціоннымъ путемъ. Напротивъ того, если обратиться къ Англии, конституція которой отличается податливостью, то здѣсь въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ произошелъ совершенно мирнымъ и незамѣтнымъ путемъ рядъ такихъ перемѣнъ въ государственномъ строѣ, которыхъ «ни во Франціи, ни въ Англии никто не могъ предвидѣть сто лѣтъ тому назадъ». Отсюда—выводъ: податливыя конституціи предпочтительнѣе неподатливыхъ, такъ какъ онѣ обезпечиваютъ мирный и постепенный политическій прогрессъ; неподатливыя же, напротивъ, ведутъ нерѣдко къ революціямъ и связаннымъ съ ними глубокимъ общегосударственнымъ потрясеніямъ.

3. Въ этихъ разсужденіяхъ Дайси есть несомнѣнная доля истины, но именно только *доля* истины. Дайси разсуждаетъ, какъ типичный англійчанинъ,—какъ членъ народа, не склоннаго къ рѣзкимъ перемѣнамъ, какъ человекъ, который воспитался и выросъ въ средѣ политическаго строя, тѣсно связаннаго съ широко-развитымъ общественнымъ мнѣніемъ и глубоко-укоренившимся уваженіемъ къ праву. Если бы такія же условія національнаго характера и политической жизни были присущи и всѣмъ другимъ государствамъ, то разсужденія Дайси были бы безусловно правильны и имѣли бы общее значеніе. Но такъ какъ въ дѣйствительности этого нѣтъ, то и мнѣніе Дайси имѣетъ значеніе лишь постольку, по сколько другія государства живутъ и развиваются въ такихъ же условіяхъ, какъ Англія. Разсужденія Дайси не примѣнимы поэтому, или, по крайней мѣрѣ, примѣнимы въ слабой степени къ государствамъ малокультурнымъ, непроникнутымъ достаточно глубокимъ уваженіемъ къ праву,—особенно, если они вырабатываютъ новую конституцію въ революціонную эпоху. Установить здѣсь податливую конституцію—значитъ обезпечить противникамъ новаго строя легкій путь къ его измѣненію или даже полному извращенію. Это совершенно ясно, и нѣтъ нужды подробнѣе останавливаться на этомъ. Ясно, слѣдовательно, также и то, какая конституція желательна для Россіи; къ сожалѣнію, ни особой культурностью, ни особо развитымъ чувствомъ права русскій народъ похвалиться не можетъ; несомнѣнно также, что и число враговъ новаго строя, особенно, если онъ будетъ республиканскимъ, окажется очень значительнымъ. И вотъ, чтобы охранить новый строй отъ посягательства его враговъ, слѣдуетъ создать въ Россіи *неподатливую* конституцію.

Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы неподатливость конституціи граничила съ ея полной неподвижностью. Неподатливость конституціи не должна простирается далѣе того, чтобы быть въ состояніи обезпечить устойчивость государственнаго строя. Для этой цѣли нѣтъ нужды идти путемъ французскихъ

революціонныхъ конституцій, и вполне достаточно, если остановиться на практикѣ современной Франціи, въ которой установлены слѣдующія условія пересмотра конституціи:

«Ст. 8 (Конст. закона объ организаціи государственныхъ властей 25 февраля 1875 г.).—Палаты имѣютъ право признать, согласно рѣшенію, принятому въ каждой изъ нихъ большинствомъ голосовъ,—по своей инициативѣ или по предложенію президента республики,—что ощущается необходимость въ пересмотрѣ конституціонныхъ законовъ. Когда обѣ палаты придутъ къ такому рѣшенію, онѣ соединяются въ національное собраніе, чтобы приступить къ пересмотру. Постановленія относительно полнаго или частичнаго пересмотра конституціонныхъ законовъ должны быть приняты абсолютнымъ большинствомъ голосовъ всѣхъ членовъ, изъ коихъ состоитъ національное собраніе. Республиканская форма правленія не можетъ быть предметомъ предложенія о пересмотрѣ».

А. Рождественскій.

ПИСЬМА СО СТОРОНЫ.

I.

Во-истину, простота хуже воровства. Это мы знаемъ по опыту чуть ли не ежедневному. Упрощеніе мысли, упрощеніе политики, упрощеніе быта, упрощеніе вѣры, упрощеніе языка,—и отъ этой странной боязни всего сложнаго, всего глубокаго, всего противорѣчиваго, но рожденнаго самою жизнью, душа современнаго человека дѣлается бѣдной, блѣдной и чахлой. Начинается какое-то духовное скопчество, отъ котораго не ждешь ничего, да и самъ скопецъ готовъ на все махнуть рукой. Чего проще, на примѣръ, марксистской схемы? «Туть пролетаріи, а туть буржуа, а все прочее одно недоразумѣніе; недоразумѣніе надо разяснить и приписать каждому возможно скорѣе къ той или другой категоріи».

Но изъ этой «приписки» ничего путнаго не выходитъ. «Недоразумѣніе» оказывается слишкомъ большимъ, а пролетаріатъ въ соотвѣтствіи съ судьбой нашей буржуазіи черезчуръ маленькимъ. Чтобы ни говорили любители упрощенія, наша мужицкая страна въ эту удобную схему не укладывается никакъ. И я глубоко убѣжденъ, что возможна третья точка зрѣнія на классовую борьбу между буржуазіей и пролетариатомъ.

Но могутъ ли съ этимъ согласиться тѣ, кто всю свою жизнь долбили одно и то же: исторія есть исторія классовъ, взаимно борющихся, погибающихъ или торжествующихъ? И эта несомнѣнная правда о классовой борьбѣ, заслоняя собою всю безмѣрную сложность и таинственность исторіи, превращается въ скверную ложь, ибо всякая правда, при умолчаніи о другой правдѣ, перестаетъ быть истиной.

Итакъ, хотя господамъ марксистамъ ничего не стоитъ причислить меня къ буржуямъ или къ мелкобуржуямъ, я все-таки рискну своей репутацией и буду писать мои письма «со стороны», и буду дѣлать се дѣло съ чистой совѣстью, потому что есть такіе пункты, въ которыхъ у меня могутъ оказаться серьезнѣйшія расхожденія съ такъ называемой буржуазіей, и не менѣе важныя темы рѣшительно могутъ меня отвратить отъ поведенія привилегированнаго нынѣ класса «пролетарскаго».

Первое мое письмо «со стороны» я посвящу одному весьма характерному анекдоту, который случился съ нынѣшнимъ московскимъ городскимъ головою, социалистомъ-революционеромъ Вадимомъ Викторовичемъ Рудневымъ.

Не знаю, догадались ли мои читатели, о чемъ идетъ рѣчь. Тема анекдота, на первый взглядъ, вовсе несложная. Шестнадцатаго августа В. В. Рудневъ, въ качествѣ городского головы, присутствовалъ на открытіи Всероссийскаго Церковнаго Собора. Привѣтствуя мирянъ и представителей духовенства отъ имени городского самоуправления, почтенный социалист-революционеръ, между прочимъ, сказалъ: «Источники религіознаго одушевленія въ человѣчествѣ вѣчны. И пока существуетъ свободный русскій народъ, живымъ пламенемъ будетъ горѣть въ его душѣ вѣра христіанская, прежде и ранѣе всего терпимая къ исповѣданію всякой иной вѣры».

Казалось бы, что мысль, высказанная В. В. Рудневымъ, не могла никого задѣть и оскорбить, но на дѣлѣ вышло не такъ: обидѣлся органъ такъ называемыхъ большевиковъ «Соціалъ-Демократъ». И какъ ему было не обидѣться! Глава московскихъ социалистовъ публично признаетъ, что русскій народъ—народъ христіанскій, и даже высказываетъ увѣренность, что пока онъ будетъ существовать, какъ свободный народъ, въ его душѣ не угаснетъ христіанская вѣра. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не обидно! При чемъ тутъ христіанская вѣра, когда циммервальдскіе гости давно ужъ разъяснили русскому мужику и русскому солдату, что его давняя вѣра—сухая чепуха, и что, если надо вѣрить, то лишь въ третій Интернаціональ? Упоминаніе о вѣрѣ Христовой въ дни оплеванія «русской души»—явная ошибка и смѣшная наивность. Но этого мало: въ мысли, неосторожно высказанной В. В. Рудневымъ, таится зерно контръ-революціи.

Такъ и написалъ сотрудникъ «Соціалъ-Демократа», увѣренный заранѣе, что ему обезпечено сочувствіе его читателей. Дѣло, вѣдь, въ томъ, что надо повести за собою охмелѣвшую толпу. Для этого есть одинъ вѣрный ходъ: обмани ее и подкупи. «Завтра у тебя будетъ, солдатъ, райская жизнь. Откажись отъ родины, совѣсти и вѣры, а мы тебѣ дадимъ все. У насъ въ Циммервальдѣ приготовленъ для тебя такой подарокъ, что за него можно и Христа продать».

Развѣ это не характерный для современности анекдотъ? Мысль, высказанная В. В. Рудневымъ, не опредѣляетъ вовсе его религіозныхъ убѣжденій, но она съ достаточной ясностью выражаетъ его пониманіе, что исторія не такая простая штука, какой стараются ее изобразить журналисты изъ газетки «Соціалъ-Демократъ».

И неужели до сихъ поръ не ясно, что господамъ интернационалистамъ нѣтъ ровно никакого дѣла ни до родины, ни до міровой правды?

Неужели эти люди будутъ еще долго кощунствовать, глумясь надъ русской исторіей, русской культурою и надъ русскимъ религіознымъ сознаніемъ? Можно не понимать вѣчнаго значенія христіанства, но возможно ли отрицать, что русская культура прежде всего культура христіанская? Вѣдь, не магометане же, не язычники и не безбожники создали великую нашу литературу, музыку, зодчество, живопись; вѣдь, не юдаизмъ опредѣляетъ сущность русскаго характера, вѣдь, не чорту и не антихристу поклоняется многомилліонное наше крестьянство: или кто-нибудь рѣ-

шится отрицать это? Или въ самомъ дѣлѣ мужицкая Россія вдругъ въ единый мигъ превратилась въ страну безъ вѣры, безъ истеріи, безъ своего собственнаго лица?

Кажется, мы дошли до предѣла. Революція совершилась всенародно, праведно и торжественно. Самодержавіе пало. Надо было строить новую жизнь. Но въ этотъ часъ явились изъ Германіи анонимные дѣятели, безъ рода, безъ племени, и объявили, что революція не кончилась. Либеральное Временное Правительство, облеченное диктаторскою властью, вмѣсто того, чтобы послѣдовательно эту власть употребить на подготовку къ будущему демократическому правопорядку, занялось разговорами съ безумцами, увѣрявшими, что надо «углублять» революцію. Плоды этихъ сентиментальныхъ бесѣдъ мы теперь пожинаемъ.

Господа, «углублявшие» революцію, разрушили армию, приостановили военно-промышленную жизнь страны, разорили крестьянское хозяйство, задушили просвѣтительную безпартийную работу интеллигенціи, водворили тысячи нѣмецкихъ агентствъ на мѣстахъ и въ столицахъ, посѣяли рознь между нами и союзниками нашими и, наконецъ, съ бѣшеною яростью повели агитацію въ пользу сепаратнаго мира съ Вильгельмомъ Гогенцоллерномъ.

Преклоняясь передъ нѣмецкой цивилизаціей, они не видѣли въ Россіи ничего достойнаго восхищенія или хотя бы вниманія. Но до сихъ поръ они не касались вовсе вѣрованій русскаго народа. Повидимому, теперь они рѣшили, что наступилъ подходящій часъ для хулы на вѣру Христову.

Борисъ Кремневъ.

СУДЬБА ЯЗЫКА.

Молчать гробницы, муміи и кости,
Лишь слову жизнь дана.
Изъ древней тьмы, на міровомъ погостѣ,
Звучать лишь письмена.
И нѣтъ у насъ иного достоянья...
Умѣйте же беречь,
Хоть въ мѣру силъ, въ дни зл бы и страданья,
Нашъ даръ безсмертный—рѣчь.

Бунинъ, „Слово“.

I.

Въ эпоху, которой суждено стать рѣшающей для судьбы народной культуры,—языкъ, слово, рѣчь должны быть особенно свято оберегаемы. Поистинѣ,—«нѣтъ у насъ иного достоянія»,—достоянія столь же священнаго, столь же древняго и столь же абсолютно-реальнаго, какъ божественно-дарованная святыня языка. Языкъ—единственная родовая драгоценность народа, единственное, что среди всеобщаго тлѣнія нетлѣнно и вѣчно живо. Изъ слова, изъ языка произрастаетъ культура; въ словѣ заложены корни ея зеленого дерева. Поэтому призывъ поэта—«умѣйте же беречь, хоть въ мѣру силъ, въ дни злобы и страданья, нашъ даръ безсмертный—рѣчь»—именно теперь, въ самый трагическій моментъ жизни русской культуры, долженъ быть особенно чутко услышанъ и воспринятъ.

Между тѣмъ, хамское и звѣриное, вдругъ выплывшее изъ всѣхъ дальнихъ и темныхъ угловъ нашего жилья, начинаетъ уже накладывать грязную и грубую свою лапу и на языкъ нашъ, намѣреваясь и имъ воспользоваться, приспособивъ къ своимъ нуждамъ, извлечь все полезное для своего обихода, отбросивъ

все, не служащее удовлетворению ежедневных потребностей. Прислушайтесь къ говору улицъ и площадей, къ рѣчамъ сходовъ, къ каждодневнымъ, обыденнымъ разговорамъ: какая страшная бѣдность слуха, какое убожество словесныхъ образовъ, какая грубая невнимательность къ правильности и чистотѣ языка, какое нерадѣніе о словѣ!

Глаголь, жгущи сердце,—гдѣ онъ? Въмѣсто него—жалкое бормотанье, беззвучное, безобразное. Говорятъ теперь много, но никогда еще такъ мало не думали о словѣ, никогда еще слово не было въ такомъ упадкѣ, забросѣ. Вынесенное на улицу, оно не приобрѣло новой дѣйственной силы, не обогатилось всенародностью; оно стало ходкимъ товаромъ, которымъ торгуютъ всякій повсюду; и производство слова, какъ всякаго ходкаго товара, сдѣлалось фабричнымъ; потому-то такъ потеряло слово всякія индивидуальныя отличія, потому-то такъ обѣднѣло въ своемъ образѣ.

Говорятъ, слово—зерно культуры народа, прорастающее въ вѣчно-зеленый кустъ народнаго творчества. Да, это такъ; но прорасти зерно можетъ лишь когда оно цѣльно; истолченное же въ безцвѣтную пыль, оно—не зерно уже. Пыль, даже и происшедшая отъ зерна, ничего произвести не можетъ; она можетъ только развѣяться по вѣтру въ разныя стороны, попадая въ глаза всѣмъ встрѣчнымъ и засоряя ихъ: такова судьба слова въ наши дни.

2.

Для насъ,—тѣхъ, которые зовутся «интеллигенцией»,—проблема языка имѣетъ особенную остроту и значительность. Нашъ, интеллигентскій языкъ, языкъ разговорный и языкъ литературный (подъ послѣднимъ разумѣемъ литературу въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. только «практическую» письменность, исключая изъ понятія литературы поэзію и, вообще, словесное искусство) переживаетъ тяжелую болѣзнь, обусловленную ходомъ всего развитія нашей интеллигентской, городской культуры. Нашъ языкъ оторванъ отъ своихъ жизненныхъ истоковъ, отъ той среды, въ которой единственно возможенъ его естественный и свободный ростъ,—отъ народа: вотъ основная причина его болѣзни, которая есть худосочье, засыханіе, почти полное прекращеніе роста, съ трудомъ поддерживаемаго искусственными удобрениями въ видѣ заимствованій изъ чужихъ языковъ. Зарожденіе этой болѣзни относится къ давнему прошлому русской культуры, къ началу такъ называемаго «петербургскаго періода» русской истории. Единый ранѣе народъ раскололся тогда надвое: на «народъ» собственно и на ту его часть, которая одна только приобщилась къ западной культурѣ и, отдѣлившись отъ всей массы народа, составила то культурное ядро, которое впоследствии стало именоваться «интеллигенціей». Отрывъ «интеллигенціи» отъ «народа» шелъ параллельно отрыву городовъ отъ деревни и привелъ къ тому разобщенію культуръ, которое глухою стѣной отдѣлило одну отъ другой эти двѣ части русскаго народа. Настолько глуха была стѣна, раздѣлявшая ихъ, что жившие по одну сторону ничего почти не знали о жившихъ по другую: такъ, загадочнымъ существомъ и понынѣ представляется намъ та молчаливая масса, что зовется нами народомъ; такъ, не знаютъ и они о насъ, интеллигенціи... Этотъ расколъ сдѣлался

трагедіей русской культуры; онъ вошелъ въ самую глубину русскаго сознанія терзаніемъ и мукою. Мукою этой запечатлѣны всѣ общественныя настроенія XIX вѣка; прорываясь наружу, становясь особенно невыносимой, она порождала такія теченія въ русской интеллигенціи, какъ «хождение въ народъ», «опрошеніе»,—являвшіяся попытками пробить стѣну, уничтожить разобщенность.

Этотъ расколъ, это отпаденіе, которое именно у насъ, не въ примѣръ странамъ Запада, было исключительно-важною, главенствующею чертою въ исторіи общества, обусловившею собою всѣ почти какъ практическія, такъ и теоретическія направленія общественной мысли въ прошломъ вѣкѣ,—не могло не повлечь за собою соответствующаго надлома въ организмѣ нашего языка. Дифференцированныя, отдѣлившіяся другъ отъ друга «народъ» и «интеллигенція» заговорили на разныхъ языкахъ,—не переносно только, но и буквально.

Мы слишкомъ плохо еще сознаемъ, что нашъ городской и такъ называемый литературный языкъ,—всего лишь жалкій, загрязненный всякими отбросами суррогатъ того иного языка, который, не умирая, въ вѣчномъ цвѣтении, живетъ въ намъ невѣдомой и все еще недоступной стихіи, именуемой нами народною душой.

Живое чувство слова утрачено нами; намъ все равно какъ говорить, лишь бы было складно и понятно. Нашъ словарь до крайности ограниченъ, метафора—убого бѣдна, и всѣ «неровности», которыя именно и дѣлаютъ рѣчь выразительной и сильной, старательно подстрижены; а если кто вдругъ и попробуетъ ввести въ свою рѣчь непривычныя для нашего уха, но подлинно-живые, русскіе слова и обороты,—это покажется намъ страннымъ чудачествомъ, а то и невѣжествомъ.

Оторванный отъ живого тѣла русской рѣчи, нашъ интеллигентскій языкъ, въ своемъ развитіи, повиновался не общимъ законамъ, исходящимъ изъ нѣдръ души націи, но своимъ, исключительно своимъ, двигателямъ, изъ коихъ главные суть: стремленіе къ удобному и упрощенному,—въ ущербъ выразительному, красочному, сильному, наконецъ—просто правильному,—стремленіе къ наибольшей практичности въ словоупотребленіи. Но принципъ практичности, въ смыслѣ наибольшей экономіи и наибольшаго удобства для каждодневнаго обихода, безспоренъ въ примѣненіи къ орудіямъ этого обихода: причислять же къ таковымъ и рѣчь,—не значить ли добровольно низводить себя въ низшіи рангъ, лишать себя званія чловѣка-творца и дѣлаться чловѣкомъ-машиной?..

3.

Никогда еще обѣдненіе языка не выступало такъ ярко и опредѣленно, какъ въ настоящее время. «Брошюрный стиль»,—вотъ что господствуетъ теперь, равно въ устной и письменной нашей рѣчи. Упадокъ языка стоитъ въ тѣсной связи съ упадкомъ національнаго сознанія. Народъ—языкъ,—эти два слова были по-славянски синонимами. Языкъ—первый и единственно-безспорный критерій національности.

Судьбы національнаго сознанія нераздѣльны съ судьбами языка; утрата національнаго сознанія (скажемъ, въ настоящее время, такъ ярко и выразившаяся, между прочимъ, въ подмѣнѣ реальности,—

национальной идеи—фикцией, идеей «интернационала», есть утрата (пусть позволено будет употребить неологизм) *языкосознания*. Напротив, чаемое возрождение национального сознания будет неизбежно сопряжено съ возрождениемъ слова, языка.

Помимо общей постановки проблемы языка,— неотдѣлимой отъ проблемы национальной культуры,— настоящий моментъ съ особенной остротой выдвигаетъ частную проблему взаимоотношения языка народного и языка интеллигентскаго, и, быть можетъ, именно въ этой плоскости лежатъ наиболее важныя задачи и властныя велѣнія настоящаго дня. Условія переживаемаго времени, когда раздѣльныя существа «народа» и «интеллигенции» *должны будутъ* притти въ соприкосновение, когда отдѣляющая ихъ другъ отъ друга межа должна будетъ стереться (и намъ приходится лишь гадать, будетъ ли это сляніе органическимъ или только механическимъ, сотрется ли межа лишь внѣшне, чтобы затѣмъ снова намѣтиться, или окончательно уничтожиться),—съ неумолимой категоричностью ставятъ передъ нами вопросъ о самомъ бытіи нашего языка. Съ чѣмъ поидедемъ мы къ народу? Какое слово ему скажемъ? Неужели принесемъ ему все то, чего онъ такъ долго отъ насъ ждетъ, въ формахъ скудной и искаженной «литературной» рѣчи?

Должны же мы, наконецъ, сознать страшную отвѣтственность, которую несемъ, должны же подумать о томъ, что, по слову поэта, «народъ придетъ и потребуетъ отъ насъ одного—вѣрности богатой и свободной стихіи своего, нами наполовину забытаго и растеряннаго языка»¹⁾... Еще Даль, болѣе полвѣка тому назадъ, говорилъ: «наши мѣстные говоры образованы правильнѣе, вѣрнѣе и проще, чѣмъ нашъ письменный *жаргонъ*»; въ наши дни это различіе приобрѣло еще большую значительность. Настоящий же моментъ требуетъ отъ насъ въ дѣлѣ культуры, прежде всего, напряженной творческой работы въ области нашего языка; *очищение интеллигентской, литературной рѣчи*,—вотъ что стоитъ передъ нами, какъ первая задача нашего культурнаго дѣла. Но это очищение можетъ свершиться лишь черезъ обрѣтеніе въ себѣ творческихъ энергій, лишь черезъ очищеніе нашей собственной души.

4.

Бѣдность языка—бѣдность эпохи. Рожденные въ годину величайшихъ катастрофъ и всеобщаго сдвига, мы—бѣдняки, нищие; быть можетъ,—моты, пустившіе на вѣтеръ родовое богатство... Несоответствіе исторической обстановки съ наличными человѣческими силами,—не есть ли тайная причина той страшной трагедіи, которую мы переживаемъ, той безысходной противорѣчивости, отсутствія единой воли, которая являются основными чертами настоящаго момента?.. И бѣдность языка есть лишь первый и самый яркій признакъ общаго духовнаго обнищанія. *Намъ нужно творить*,—это говорятъ теперь всѣ, отовсюду: «творчество»—первое, что произносятся. Свобода,—прибавляютъ иные. Да, это такъ; но надлежитъ помнить, что какъ «въ началѣ» Божественнаго творчества «было Слово», такъ и подлинное творчество человѣческое должно непременно начаться творчествомъ языка.

Но, говоря о творествѣ языка, мы неизбежно должны поставить вопросъ о *единомъ* языкѣ; что составляетъ, собственно, ту идеальную стихію, которая обозначается нами именемъ «русскаго языка»? Не городская же, интеллигентская, «литературная» рѣчь; слѣдовательно,—рѣчь народная. Но народныхъ говоровъ много, и уже А. А. Потѣбня сознавалъ непримиримое противорѣчіе между наличностью многихъ нарѣчій,—между *дробностью* языка,—и необходимостью, «въ видахъ объединенія умственной дѣятельности народа», имѣть *одинъ* «письменный» языкъ, въ формы котораго отливался бы весь процессъ народной культуры. Гдѣ же искать этотъ идеальный русскій языкъ?

Стремясь разрѣшить эти вопросы, мы соприкасаемся съ фактомъ *словеснаго искусства*—поэзіи. Именно въ поэзіи (употребляя это понятіе въ широкомъ смыслѣ, т.-е. включая въ него всѣ явленія искусства слова,—какъ стихотворнаго, такъ и прозаическаго) протекаетъ жизнь языка въ его идеальныхъ формахъ, именно поэзія является хранителемъ сокровищницы единого языка.

Именно поэзія (а не архитектура, какъ полагали иные изъ мыслителей) является конкретнымъ воплощеніемъ культуры,—поэзія, какъ стихія, въ которой протекаетъ процессъ творчества слова, этого зерна культуры. По выраженію одного изъ современныхъ художниковъ слова,—«цѣль поэзіи—творчество языка; языкъ же есть само творчество жизненныхъ отношеній. И потому-то новое слово жизни въ эпохи всеобщаго упадка вынашивается въ поэзіи». Поэтому великая культура непременно предполагаетъ великую поэзію.

Однако важность проблемы поэзіи въ проблемѣ культуры обычно плохо сознается. Особенно же мало склонны бываютъ придавать значеніе поэзіи и ея роли—въ эпохи, подобныя нашей; если еще римляне говорили, что музы молчатъ, когда шумитъ война, то мы можемъ добавить, что еще болѣе заставляють умолкнуть Аполлоновыхъ дѣвъ шумъ брани гражданственой... Мы не знаемъ, какова будетъ судьба поэзіи въ ближайшемъ будущемъ; но, быть можетъ, именно она будетъ беречь «нашъ даръ безсмертный», и не только беречь его, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ достался намъ отъ прошлаго, но и приумножать наше родовое богатство творчествомъ новаго.

Какова бы ни была судьба нашей обыденной рѣчи, сумѣемъ ли мы облагородить ее, вернуть ей жизненность и силу, это будетъ дѣломъ болѣе богатыхъ творческими потенціями, болѣе счастливыхъ, какова бы ни была ближайшая участь рѣчи поэтической,—одно знаемъ мы: не изсякнетъ нашъ языкъ, ибо языкъ—народъ, и гибель языка—гибель народа... И если великой трагедіи, переживаемой послѣднимъ, суждено завершиться не судорожнымъ бѣненіемъ головою обществу въ безнадежной тоскѣ, но благодатнымъ *очищеніемъ* души,—это очищеніе будетъ, вмѣстѣ, и обрѣтеніемъ въ себѣ слова живого. Среди криковъ, нечленораздѣльныхъ звуковъ и жалкаго бормотанья, оглашающихъ нынѣ воздухъ,—сокровенное существо нашей родины, душа ея, молчитъ: пусть не обманемся мы, вѣря, что это—не молчаніе нѣмотствующаго, не мука безсловеснаго и безсильнаго, но то великое молчаніе, въ нѣдрахъ котораго приготавливается глубочайшее изъ таинствъ—Рожденіе Слова.

¹⁾ Вяч. Иваницъ, „По звѣздамъ“, стр. 356.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ КОМИССАРЫ ПРИ РЕВОЛЮЦИОННЫХЪ АРМІЯХЪ.

Институтъ правительственныхъ комиссаровъ при Верховномъ Командованіи и при отдѣльныхъ войсковыхъ единицахъ, введенный въ организацию русской арміи недавнимъ постановленіемъ Временнаго Правительства—не новость въ исторіи: наиболѣе полное и законченное развитіе получилъ данный институтъ на французской почвѣ, и въ частности, во время войнъ Великой Революціи. Познакомить читателя съ его возникновеніемъ, структурой и дѣятельностью—составляетъ задачу нашего очерка.

I.

Армейскіе комиссары не продуктъ революціоннаго творчества, но—дѣти королевской подозрительности. Людовикъ XIV, Король-Солнце, ревнивый стражъ своего самовластія, болѣе чѣмъ когда бы то ни было, боялся своихъ полководцевъ: въ нихъ, овѣянныхъ ореоломъ побѣды, любимцахъ арміи и народа, чувствовалъ подозрительный деспотъ опасныхъ конкурентовъ—монарху, Божьей милостью. Въ результатѣ къ каждому военно-начальнику, отъ низшаго до высшаго, оказались приставленными въ качествѣ «очей и ушей государевыхъ» военные комиссары, различнаго ранга и наименованіи. Въ официальной инструкціи, имъ преподанной, съ лицемѣріемъ, столь свойственнымъ просвѣщенному абсолютизму, перечислялись ихъ права и обязанности—всѣ... кромѣ наиболѣе существенныхъ, съ королевской точки зрѣнія: тутъ упоминалось о наборѣ рекрутовъ, о приведеніи ихъ къ присягѣ, объ утвержденіи офицерскихъ чиновъ, объ обезпеченіи дешеваго провіанта и фуража для арміи и даже объ охранѣ мирнаго населенія отъ захватовъ и прочихъ эксцессовъ солдатской толпы. Интендантъ (такъ назывался комиссаръ при командующемъ арміей), кромѣ обычныхъ полномочій комиссара, надѣленъ былъ еще однимъ—засѣдать во всѣхъ совѣщаніяхъ, созываемыхъ командующимъ арміей, и «по всѣмъ дѣламъ и случаямъ давать добрые совѣты». Правда, въ порядкѣ служебной іерархіи интендантъ считался подчиненнымъ главнокомандующему, но предоставленное первому право непосредственныхъ сношеній съ королевскимъ секретаремъ по военнымъ дѣламъ дѣлало эту подчиненность чистѣйшей фикціей. Между комиссарами и полководцами завязалась хроническая борьба; и тѣ и другіе заваливаютъ дворъ своими жалобами: генералы жалуются на вмѣшательство комиссаровъ во всѣ дѣла, даже въ чисто военныя. Комиссары—въ претензіи на военнаго начальника, что тѣ стремятся скрыть отъ нихъ свой каждый шагъ. Но дворъ съ неизмѣннымъ постоянствомъ на сторонѣ комиссаровъ: «Королю угодно», пишетъ Лувуа имъ въ отвѣтъ, «чтобы вы посадили въ тюрьму перваго же, кто васъ слушается или станетъ чинить вамъ малѣйшее препятствіе»; въ отношеніяхъ же интенданта къ самому главнокомандующему Лувуа намѣчаетъ слѣдующую программу:—«Соблюдайте полную учтивость, но не уступайте ни въ чемъ».

Наконецъ, матеріальныя условія, въ которыя поставлены были комиссары, считались, по тому времени, весьма заманчивыми: годичный ихъ окладъ

доходилъ до 20.000 талеровъ, и пышный образъ жизни многихъ изъ нихъ поражалъ воображеніе современниковъ: такъ, по свидѣтельству историковъ, интендантъ де-Шамплатре имѣлъ въ своемъ распоряженіи 100 собакъ и 50 скороходовъ.

II.

Революціонные годы выдвинули на историческую сцену новый институтъ «депутатовъ при республиканскихъ арміяхъ», которые, освободившись отъ административно-техническихъ обязанностей комиссара, углубили его политическую функцію. Своимъ появленіемъ данный институтъ обязанъ не столько законодательному творчеству революціонныхъ коллегій, сколько ходу событіи. 27 января 1792 года Законодательному Собранію было доложено секретаремъ письмо, полученное предсѣдателемъ отъ главнокомандующаго сѣверной арміей—маршала де-Рошамбо. Въ немъ генераль обращается къ собранію съ просьбой командировать въ его распоряженіе трехъ лицъ изъ числа членовъ собранія, состоящихъ одновременно на военной службѣ; при этомъ маршалъ изъявлялъ желаніе использовать ихъ въ качествѣ ближайшихъ своихъ помощниковъ, дабы имѣть возможность посвятить всѣ свои силы обязанностямъ стратега, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Въ завязавшихся по поводу письма преніяхъ высказаны были воззрѣнія самыя разнообразныя: дю-Байэ доказывалъ, что депутатское достоинство не можетъ служить основаніемъ для занятія поста болѣе высокаго, чѣмъ тотъ, на который данное лицо имѣло право по своему воинскому званію. Лакомбъ указывалъ, что облеченные довѣріемъ народа, какъ избранники, депутаты не въ правѣ отказываться, хотя бы ради долга военнослужащаго, отъ этой «почетной миссіи»; Беню ссылался на необходимость для Законодательнаго Собранія удержатъ въ своемъ составѣ членовъ, компетентныхъ въ военныхъ вопросахъ; напротивъ, Лакюэ замѣтилъ, что «полезно имѣть въ арміи лицъ, облеченныхъ довѣріемъ какъ народа, такъ и законодательнаго корпуса, которыя были бы въ нѣкоторомъ родѣ *гражданскими комиссарами*». Послѣ этихъ преній письмо передано было на заключеніе военнаго комитета. Комитетъ призналъ просьбу маршала подлежащей отклоненію, боясь, съ одной стороны, нарушить священный принципъ раздѣленія властей, стремясь, съ другой,—сохранить неприкосновеннымъ личный составъ законодательнаго собранія. Однако остаться послѣдовательнымъ до конца французскому парламенту не удалось.

Еще около 22 іюня 1791 г. (день ареста Людовика XVI и его семьи) Учредительное Собраніе сочло полезнымъ отправить въ войска нѣсколькихъ комиссаровъ, чтобы «выработать въ согласіи съ командующими арміями» мѣры для поддержанія порядка. 31 іюля 1792 г. Законодательное Собраніе поручило тремъ депутатамъ организовать Суассонскіи лагерь; 9 августа, признавъ «чрезвычайно полезнымъ отправленіе комиссаровъ въ Суассонъ», оно командировало 9 комиссаровъ въ сѣверную армію, центральную и рейнскую. Постепенно назначенія эти, перешедшія и въ практику Конвента, все умножались, сохраняя однако попрежнему эпизодическіи характеръ.

Таковымъ положеніе оставалось до 9 апрѣля 1793 г., когда Конвентъ, по докладу Брэара, оконча-

тельно санкционировал институт комиссаровъ, установивъ при каждой арміи по 3 депутата съ тѣмъ, чтобы каждый мѣсяць одинъ изъ трехъ смѣнялся.

«Представители народа, посланные къ арміи» (таковъ былъ ихъ титулъ) оказались надѣленными чрезвычайно обширными полномочіями.—«Они осуществляютъ», гласила II статья положенія, «самое активное наблюдение за операціями агентовъ Исполнительной Власти, за поведеніемъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ арміи; имъ будетъ даваться ежедневный отчетъ о состояніи магазиновъ, всякаго рода припасовъ, съѣстныхъ запасовъ и снаряженія; они будутъ имѣть самый строгій надзоръ за операціями и поведеніемъ всѣхъ поставщиковъ и подрядчиковъ республиканскихъ арміи». Депутатамъ предоставлено «принимать всѣ мѣры, которыя они найдутъ цѣлесообразными, для ускоренія реорганизации арміи, для пополненія существующихъ кадровъ добровольцами и рекрутами», въ каковыхъ видахъ имъ предлагалось дѣйствовать «въ согласіи съ генералами и дивизионными командирами».

«Представители, посланные къ арміямъ»,—гласитъ статья IV,—въ осуществленіи делегированныхъ имъ функций надѣлены *неограниченной властью*. Это послѣднее выраженіе вызвало споры въ нѣдрахъ Конвента: одинъ изъ членовъ предлагалъ совершенно исключить подобное постановленіе, другой настаивалъ на необходимости забронировать отъ депутатскаго вмѣшательства область стратегически-оперативную,—обѣ поправки были Собраніемъ отклонены.

30 апрѣля, по предложенію Камбона, Конвентъ принялъ декретъ о новомъ распредѣленіи вооруженныхъ силъ Республики,—V статья декрета устанавливала численный составъ депутатовъ, «посланныхъ къ арміямъ», и болѣе точно регламентировала ихъ права. Въ частности имъ предоставлялось особое форменное платье, право производить смотры арміи и флоту, замѣщать, по соглашенію съ генералами, всѣ вакантные посты, временно отрѣшать отъ должности офицеровъ и генераловъ, немедленно ставя объ этомъ въ извѣстность Конвентъ; кромѣ того, депутатамъ предписывалось «использовать всѣ способы просвѣщенія, имѣющіеся въ ихъ власти, для поддержанія въ солдатской средѣ республиканскаго духа». Однако только что приведенныя положенія не долго удержались въ своемъ первоначальномъ видѣ, и весьма скоро въ воззрѣніяхъ руководителей политическихъ судьбъ Франціи произошелъ замѣтный сдвигъ.

Въ инструкціи тѣмъ же депутатамъ отъ 7 мая Комитетъ Общественнаго Спасенія опредѣляетъ взаимоотношенія ихъ къ командующимъ арміями слѣдующей программной формулой: они (депутаты) суть «граждане, надѣленные большими полномочіями, чтобы оказывать командному составу мощное содѣйствіе, чтобы поддерживать его своимъ вліяніемъ, чтобы увеличивать къ нему довѣріе общества». Затѣмъ въ письмѣ, датированномъ 28 мая 1793 г., посланномъ отъ Комитета къ депутатамъ при Сѣверной арміи въ отвѣтъ на ихъ запросъ, содержатся слѣдующія достаточно опредѣленные сужденія: «... помните, что мы не смѣшиваемъ администрацію и военныя операціи...; генералъ—главный объектъ вашего наблюденія, но по этому поводу мы говоримъ и считаемъ нужнымъ всегда сказать, что генералъ долженъ быть свободенъ въ своихъ рѣшеніяхъ, что на него не должно оказывать давленія, что онъ всегда долженъ оставаться

отвѣтственнымъ агентомъ и пересталъ бы быть таковымъ, если бѣ народное представители распоряжались атаками и сраженіями».

Въ тѣсныхъ рамкахъ журнальной статьи мы не можемъ подробно касаться дѣятельности отдѣльных комиссаровъ,—ограничимся упоминаніемъ, что нѣкоторые изъ нихъ прославились своею строгостью, какъ на примѣръ, Генцъ, созывавши засѣданія военнаго совѣта въ задѣ, подъ окнами которой стояла гильотина, другіе приняли непосредственное участіе въ бояхъ (Кавеньякъ, Кассаньесъ, Лакостъ, Бодо), сражаясь иногда въ первыхъ рядахъ войска (Карно, Дюкенуа), и запечатлѣли доблесть свою раненіями (Шодье) или даже смертью (Фабръ, удостоенный «пантеонизации»).

Дѣятельность депутатовъ-комиссаровъ продолжалась до конца существованія Конвента и прекратилась одновременно съ нимъ.

Сопоставляя два типа организациі института армейскихъ комиссаровъ, испробованныхъ въ государственномъ опытѣ Франціи,—королевскихъ комиссаровъ и республиканскихъ «депутатовъ, посланныхъ къ арміи», нельзя не замѣтить, несмотря на многочисленныя черты внѣшняго сходства, существеннаго между ними различія и, прежде всего, юридическаго свойства. Королевскіе комиссары—гражданскіе агенты военнаго вѣдомства, чиновники съ опредѣленной компетенціей, юридически—помощники команднаго состава, фактически—наблюдатели за нимъ. Совершенно иное положеніе республиканскихъ депутатовъ: члены Конвента, они являются на фронтѣ не въ качествѣ чьихъ бы то ни было агентовъ, но какъ представители Верховной Власти государства; если королевскій комиссаръ можетъ дѣйствовать лишь въ тѣсныхъ вѣдомственныхъ предѣлахъ, предначертанныхъ ему начальствомъ, то полномочный членъ Конвента всевластенъ въ той же мѣрѣ, какъ делегировавшій его Конвентъ; всякія ограниченія поставленнаго его власти, суть, строго говоря, *самоограниченія*, диктуемые не столько доводами юридической логики, сколько соображеніями практической цѣлесообразности. Отсюда—подчиненіе интенданта командующему арміей, въ одномъ случаѣ, и «неограниченная власть», въ другомъ. Въ первомъ положеніи отъ центра къ фронту протягивались щупальцы Верховной Власти, во второмъ—Верховная Власть, какъ таковая, сама переносилась частично на фронтъ.

Если послѣ всего изложеннаго сдѣлать попытку разобратъ въ юридической природѣ института комиссаровъ въ томъ видѣ, какъ онъ введенъ въ русскій военный обиходъ, то нетрудно обнаружить въ немъ смѣшеніе двухъ противоположныхъ системъ. Русскіе комиссары—не члены Временнаго Правительства, пребывающіе на фронтѣ, но агенты военнаго министерства, частью замѣняющіе или восполняющіе другихъ агентовъ того же вѣдомства (командный составъ), частью контролирующіе. Но если съ формальной стороны русскіе комиссары весьма близки къ королевскимъ, то по поставленнымъ передъ ними задачамъ (реорганизациа арміи, политическое ея воспитаніе) и широтѣ полномочій (ср. на примѣръ, конфирмацію смертныхъ приговоровъ) обликъ ихъ во многомъ совпадаетъ съ депутатами Конвента. Въ этомъ полномъ смѣшеніи разнородныхъ принциповъ—источникъ почти неустранимыхъ коллизій, корень рокового двоевластія. Соединять несоединимое стало маніей

современности. Слѣдуетъ же, наконецъ, признать ту элементарную аксіому, что армія состоитъ изъ начальниковъ и подчиненныхъ, для третьей породы людей въ ней нѣтъ мѣста: и армейскіи комиссары должны быть—либо равноправнымъ членомъ Временнаго Правительства, участникомъ Верховной Власти, либо—помощникомъ командующаго, подчиненнымъ послѣднему.

Е. Коровинъ.

ФИНАНСОВАЯ РАЗРУХА И ЕЯ ПРИЧИНЫ.

Мы знаемъ, въ какомъ напряженномъ, критическомъ состояніи находятся русскіе финансы передъ грандіозной задачей финансированія войны. Въ настоящее время весь нашъ расходъ на войну исчисляется минимумомъ въ 36—37 миллиардовъ; въ ближайшее полугодіе предстоитъ еще израсходовать не менѣе 12—14 миллиардовъ. Бюджетъ нынѣшняго года составляетъ 4 миллиарда, который съ сверхсметными расходами, вѣроятно, достигнетъ 5 миллиардовъ. Будущій бюджетный годъ предполагается свести приблизительно въ 7 миллиардовъ. Но не будемъ останавливаться на анализѣ этихъ цифръ. Мнѣ хотѣлось бы остановиться на томъ распадѣ, который точно такъ же характеризуетъ финансы, какъ и всѣ другія стороны русской общественной, политической и хозяйственной жизни. Финансы наши сейчасъ оказываются бездѣйствующими, парализованными. По даннымъ Харьковскаго казначейства, оказывается, что за 4 мѣсяца революціи вся податная машина почти остановилась. Поступленіе налоговъ замѣтно сократилось. Но не только государственное казначейство видитъ передъ собой почти пустоту, но и мѣстные финансы находятся въ величайшемъ затрудненіи, не получая тѣхъ обычныхъ ресурсовъ, которыми они питались.

Гдѣ же заключаются причины этого критическаго положенія? Причины лежатъ въ двухъ плоскостяхъ. Съ одной стороны, я бы сказалъ, причины психологическія, лежащая именно въ распадѣ социально-политической связи. Населеніе перестало чувствовать свою обязанность нести опредѣленную финансовую обязанность. Въ сознаніи, якобы, полной свободы, оно перестало выполнять эту государственную финансовую функцию. Возьмемъ, на примѣръ, землевладѣльчeskій классъ. Мы видимъ, что онъ пересталъ вносить налоги и, можетъ быть, даже со своей точки зрѣнія онъ имѣетъ основанія. Онъ говоритъ: «Какія же основанія теперь вносить земельные и иные налоги, если, можетъ быть, завтра отъ меня отберутъ землю; это будетъ совершенно ненужный, лишній расходъ, лежащійся, такимъ образомъ, мертвымъ бременемъ на это отчуждаемое имѣніе». Торгово-промышленный классъ тоже не склоненъ раскрывать свои кошельки, видя передъ собой закрытіе промышленныхъ и торговыхъ предприятий, принудительную реквизицію, передачу въ руки рабочихъ и т. д. Сама демократія точно также не выполняетъ своихъ финансовыхъ обязанностей. По даннымъ, характеризующимъ «заемъ свободы», мы видимъ, что наименѣе успѣшно идетъ реализація этого займа черезъ кооперативы. Эти послѣдніе въ періодъ стараго режима приносили царскому правительству во много разъ большую сумму, чѣмъ они несутъ теперь въ свободной Россіи. Больше того: изъ

рядовъ демократіи были выставляемы лозунги совершенно отрицательнаго характера: «Долой заемъ свободы, долой всякіе налоги». Цѣлый рядъ агитаторовъ въ деревняхъ и на городскихъ митингахъ проповѣдывалъ отрицательное отношеніе ко всѣмъ рѣшительно финансовымъ мѣропріятіямъ революціоннаго правительства. Это — уже верхъ разложенія, это подрывъ основъ финансовой системы. Всѣ эти моменты, всѣ эти отдѣльныя отношенія общественныхъ группъ и классовъ въ концѣ концовъ сводятся къ тому, что исчезла та внутренняя спайка, которая въ дореволюціонное время заставляла людей приносить извѣстныя финансовыя жертвы—спайка въ формѣ организованной власти. Какъ въ арміи, въ экономической жизни, точно такъ же и въ финансовой жизни обнаруживается такой же распадъ вслѣдствіе отсутствія надлежаще организованной власти. Это первый и самый существенный моментъ.

Второй моментъ связанъ съ экономической жизнью страны. Вѣдь финансы опираются на экономическіе ресурсы населенія, на національный доходъ и национальный капиталъ. Если национальный доходъ начинаетъ сокращаться, если онъ въ рядѣ предприятий сводится къ нулю, какіе же могутъ быть финансовые ресурсы? Если, на примѣръ, въ промышленномъ предпріятіи уничтожается весь чистый доходъ увеличеніемъ издержекъ производства благодаря повышенію заработной платы, то изъ чего это предпріятіе можетъ уплачивать свои налоги? По теоріи финансовъ налоги должны уплачиваться изъ доходовъ; доходы равны нулю,—ясное дѣло, что и налоги не могутъ быть уплачены. Если национальный доходъ въ цѣломъ рядѣ отраслей производства уменьшается, то тѣмъ уменьшаются и ресурсы финансовые. Помимо государственнаго дохода уменьшается и национальный капиталъ Россіи. Мы нерѣдко слышали изъ устъ недостаточно компетентныхъ доморощенныхъ финансистовъ, что возможно направить финансовый прессъ по адресу національнаго капитала. Конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ это возможно. Въ различныхъ формахъ пробовали это дѣлать, и такое обложеніе существуетъ въ дѣйствительности (напр., въ наслѣдственномъ налогѣ). Но не надо забывать, что въ настоящее время весь процессъ нашего финансоваго управленія сводится къ громадному расточенію національнаго капитала. Вѣдь мы сейчасъ видимъ своеобразное военно-финансовое хозяйство, которое заключается въ томъ, что всѣ хозяйственные ресурсы, главнымъ образомъ, накопленные национальные капиталы, безслѣдно и совершенно непроизводительно расточаются на поляхъ сраженія. Въ мирное время всѣ добываемые металлы, сырье, продовольствіе поступаютъ въ хозяйственный оборотъ и сопровождаются созданіемъ новыхъ цѣнностей, умножающихся въ большемъ или меньшемъ масштабѣ. Въ отличіе отъ этого мирнаго процесса, обогащающаго страну, военно-финансовое хозяйство характеризуется расточеніемъ этихъ ресурсовъ. Металлы, которые должны были въ мирное время направляться на созданіе машинъ и различныхъ предметовъ для населенія, теперь разстрѣливаются на поляхъ сраженія и уменьшаются такимъ образомъ национальный капиталъ. Тѣ волокнистыя вещества, которыя должны были въ мирное время одѣвать производительныхъ рабочихъ, создающихъ новыя цѣнности, теперь одѣваютъ, конечно, необходимыхъ, нужныхъ намъ воиновъ, но

воиновъ, которые съ хозяйственной стороны не создаютъ новыхъ цѣнностей. Такимъ образомъ, эти цѣнности точно такъ же растрчиваются. Правда, статистика національнаго капитала вообще очень неточна, но по приблизительнымъ расчетамъ спеціалисты исчисляють цѣнность русскаго національнаго капитала въ 60 миллиардовъ полноцѣнныхъ рублей. Если мы вспомнимъ, что на войну израсходовано уже 36—37 миллиардовъ, если мы примемъ во вниманіе обезцѣненіе валюты, то мы смѣло можемъ сказать, что Россія въ настоящее время истратила не менѣе третьей части своего національнаго имущества, на 30—35% Россія обѣднѣла. Такимъ образомъ, постепенно уменьшаются тѣ реальныя экономическія ресурсы, на которые возможно вести войну. Взамѣнъ всѣхъ тѣхъ реальныхъ цѣнностей, взамѣнъ всѣхъ тѣхъ реальныхъ продуктовъ и товаровъ, которые поступаютъ въ военный оборотъ, лица, производящія ихъ, получаютъ только денежныя цѣнности. Какъ будто происходитъ даже извѣстнаго рода обогащеніе. Уплата производится кредитными билетами, краткосрочными обязательствами казначейства, различными формами займовъ. И цѣнности въ рукахъ населенія увеличиваются. Но это—цѣнности фиктивныя, это—цѣнности бумажныя, такія, которыя предвосхищаютъ будущее творчество хозяйственныхъ цѣнностей страны. Это—разложеніе тяготы военныхъ расходовъ на будущія поколѣнія. Лица, которыя получаютъ такимъ образомъ взамѣнъ растрчиваемыхъ на войнѣ реальныхъ цѣнностей, цѣнности бумажныя, получаютъ своего рода векселя, которые они въ будущемъ имѣють предъявить государству, а государство въ свое время, извлекая изъ будущихъ производительныхъ народныхъ силъ уже реальныя цѣнности, будетъ этими цѣнностями расплачиваться по этимъ бумажнымъ цѣностямъ.

Таковъ финансовый процессъ, который совершается во всѣхъ воюющихъ державахъ. Именно, происходитъ расширеніе бумажныхъ цѣнностей въ формѣ цѣлага ряда обязательствъ государства, разлагающихъ финансовую тяготу войны на цѣлый рядъ будущихъ поколѣній. Но если такъ, казалось бы, можно вести войну безконечно. Однако, есть извѣстный предѣлъ, который именно заключается въ необходимости имѣть для веденія войны извѣстныя реальныя цѣнности налицо, тѣ предметы, изъ которыхъ можетъ производиться снаряженіе и снабженіе армии. Если сейчасъ у русскаго народнаго національнаго имущества уже истрачены 30—35%, то вѣдь трата идетъ безпрерывно и даже въ увеличивающемся масштабѣ. Дальше. Пока у насъ есть еще реальныя ресурсы, которыми можетъ располагать военное хозяйство. Но наступитъ, несомнѣнно, моментъ, когда эти реальныя ресурсы исчерпаются, и тогда, конечно, съ финансовой точки зрѣнія наступитъ предѣлъ возможности воевать. Мы уже имѣемъ до нѣкоторой степени грозныя предвозвѣстники этого начинающагося истощенія. Тотъ острый недостатокъ продуктовъ, который чувствуется по всей Россіи, это есть не что иное, какъ истощеніе тѣхъ реальныхъ цѣнностей, которыми страна располагаетъ. Мы такимъ образомъ постепенно умалняемъ и растрчиваемъ наши хозяйственныя источники. Можетъ быть, нѣкоторое время мы могли бы пользоваться еще иностранными источниками, но въ концѣ концовъ наступитъ предѣлъ и въ этомъ отношеніи.

Такимъ образомъ опредѣляются два момента, отъ которыхъ зависятъ государственныя финансы Россіи и ихъ положеніе въ настоящее время. Это—общественно-политическая психологія населенія, связанная съ распадомъ власти и съ распадомъ социально-политическихъ спаякъ, и затѣмъ моментъ объективно-экономически, ставящій свои предѣлы тому финансовому и экономическому истощенію, которое несетъ съ собой война. Для насъ важно выяснитъ, что произойдетъ съ финансами, если дѣло пойдетъ прежнимъ порядкомъ, если не произойдетъ въ положеніи ничего новаго. Несомнѣнно, въ недалекомъ будущемъ это безотрадное положеніе государственнаго распада приведетъ насъ къ государственному банкротству. Прежде всего мы видимъ, что никогда еще за все время войны не происходило такого быстраго увеличенія бумажно-денежнаго обращенія. За эти 4 мѣсяца войны мы видимъ колоссальное увеличеніе бумажныхъ денегъ. И это понятно. Разъ налоговый аппаратъ не дѣйствуетъ, разъ никакіе займы не могутъ покрыть возрастающихъ расходовъ, есть только одинъ ресурсъ—печатный станокъ, къ которому и вынуждено было обратиться революціонное правительство. Если это дѣло будетъ итти дальше, то ясно, что печатный станокъ вынужденъ будетъ продолжать свою работу и быть можетъ, въ усиленномъ масштабѣ съ филиалами Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ въ Москвѣ и за границу. Потокъ бумажныхъ денегъ увеличится до безграничности. Мы увидимъ количество бумажекъ не въ 14 миллиардовъ, какъ теперь, а въ 20—25 миллиардовъ и т. д. Въ концѣ концовъ бумажныя деньги дойдутъ до полнаго обезцѣненія, произойдетъ крушеніе денежной системы и величайшее потрясеніе всего народнаго хозяйства. Конечно, народное хозяйство отъ крушенія денежной системы не исчезнетъ и не погибнетъ, но понесетъ колоссальное разстройство, потому что оно покоится на этой денежной системѣ. Всѣ взаимоотношенія хозяйствующихъ лицъ страны связаны и обусловлены извѣстными денежными расчетами. Если эти денежныя расчеты окажутся покоящимися на совершенно обезцѣненныхъ, дошедшихъ до нуля бумажныхъ деньгахъ, ясно, какое это должно внести разстройство и потрясеніе во всѣ рѣшительно хозяйственныя отношенія. Съ другой стороны, разъ хозяйственный аппаратъ окажется парализованнымъ, то дѣло пойдетъ дальше. Расходы растутъ, война требуетъ извѣстныхъ жертвъ. Государству придется остановиться въ цѣломъ рядѣ своихъ платежей. Прежде всего начнутъ заминки въ платежахъ процентовъ по государственнымъ займамъ, начнутъ заминки въ платежахъ по поставкамъ, по другимъ государственнымъ обязательствамъ, наконецъ, по обязательствамъ платежа жалованій и пенсій. Однимъ словомъ, финансовый механизмъ государства окончательно откажется функционировать. И если не будутъ приняты какія-то радикальныя, какія-то совершенно исключительныя мѣры лѣченія этого больного организма, мы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ станемъ передъ совершенно реальнымъ фактомъ—возможностью государственнаго банкротства Россіи, какъ это было съ цѣлымъ рядомъ южно-американскихъ, балканскихъ и иныхъ государствъ.

Я бы хотѣлъ остановиться еще на другомъ вопросѣ. У насъ довольно популярны тѣ лозунги, которые развращаютъ армию и широкія темныя массы населенія,

лозунги—во чтобы то ни стало скорѣе кончать войну. Если конечно, не будетъ оздоровлена армія и не будутъ приняты какія-то радикальныя мѣры къ оздоровленію тыла и къ снабженію этого тыла и арміи основными продуктами продовольствія, то, несомнѣнно, возможно такое положеніе, что Россія окажется вынужденной заключить миръ съ Германіей. Какими же послѣдствіями грозитъ этотъ фактъ въ финансовомъ отношеніи? Конечно, всѣ тѣ социально-политическія теченія, которыя поддерживаютъ эту точку зрѣнія, всѣ эти пораженцы и интернационалисты, совершенно не задумываются надъ тѣми послѣдствіями, которыя получатся въ финансовомъ отношеніи для Россіи отъ такого мира. Прежде всего, этотъ фактъ насъ совершенно раздѣлитъ и обособитъ отъ союзныхъ намъ государствъ. Для Англии, Франціи, Соединенныхъ Штатовъ, Италіи Россія перестанетъ существовать, какъ дружеское государство. А между тѣмъ вѣдь всѣ наши финансовыя отношенія главнымъ образомъ и связаны съ этими странами. Если страны эти увидятъ въ насъ не друга, а безразличное, даже враждебное государство, то прежде всего будутъ прекращены для насъ тѣ финансовыя источники, которыми мы въ значительной мѣрѣ поддерживали доселѣ нашу финансовую боевую готовность. А уже во всякомъ случаѣ не отъ истощенной въ финансовомъ отношеніи Германіи намъ ждать финансовой поддержки. Длѣе, къ намъ будутъ предъявлены совершенно опредѣленные требованія—выплатить тѣ многомиллиардныя краткосрочныя обязательства, которыя мы выпустили на 3 и 6 мѣсяцевъ на рынкахъ союзныхъ державъ. Конечно, мы не будемъ въ состояніи эти обязательства выплатить. И это будетъ точно такимъ же ударомъ, влекущимъ за собою финансовое банкротство государства. Наконецъ, наши союзныя державы тогда сдѣлаютъ еще одинъ шагъ, который будетъ имѣть, конечно, роковыя послѣдствія для русскаго народнаго хозяйства. Будетъ выброшено на мировой денежный рынокъ громадное количество русскихъ цѣнныхъ бумагъ и такимъ образомъ передъ нами опять встанетъ въ полной реальности невозможность эти бумаги оплатить, т.-е. опять-таки это будетъ еще лишнимъ факторомъ нашего банкротства. Я не говорю уже о томъ, что политическое обособленіе отъ союзниковъ создастъ и обособленіе экономическое. Мы такимъ образомъ лишимся связи съ тѣми странами, отъ которыхъ мы могли бы имѣть въ экономическомъ отношеніи значительную помощь и содѣйствіе. Возьмемъ хотя бы вопросъ о снабженіи Россіи необходимыми сырыми продуктами. Конечно, Германія и Австрія снабжать насъ сырьемъ не будутъ, потому что эти страны точно также въ этомъ сырьѣ остро нуждаются, и мы послѣ войны окажемся лишенными возможности оборудовать наше народное хозяйство цѣлымъ рядомъ товаровъ, которые намъ нужны. Вотъ какія печальныя и безотрадныя перспективы рисуются намъ, если нашъ государственный корабль будетъ продолжать идти по тому курсу, который принять.

М. Н. Соболевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Возстаніе генерала Корнилова.

Событія слѣдуютъ съ головокружительной быстротой. Прорывъ сѣвернаго фронта, сдача Риги и въ связи съ этимъ громадная военная опасность. Затѣмъ еще большаго масштаба событіе: попытка созданія военной диктатуры ген. Корниловымъ и отсюда проистекавшая грозная опасность гражданской войны. Это послѣднее событіе явилось неожиданнымъ въ своей конкретной обстановкѣ, но почва для такихъ выступленій подготовлялась. Эта почва заключается въ томъ, что наша армія глубоко болѣетъ внутреннимъ распадомъ, а также въ томъ, что армія втянута въ политику.

Вопросъ объ оздоровленіи арміи былъ предметомъ обсужденія на бывшемъ въ Москвѣ Государственномъ Совѣщаніи.

Недѣля послѣ Государственнаго Совѣщанія прошла въ подведеніи его итоговъ. Учитывалось, что дало Совѣщаніе и какія перспективы оно открыло. Дѣлались оцѣнки самыхъ различныхъ. Для однихъ происшедшее Совѣщаніе представляло лишь «политическій турниръ», не давшій никакихъ результатовъ, и на путь къ единенію Россію приведетъ лишь желѣзная необходимость чрезъ величайшія несчастія и испытанія. Другіе склонны были придавать ему положительное значеніе въ смыслѣ выясненія для всѣхъ равноцѣнной задачи спасенія отечества и завоеванной свободы. Вокругъ этой задачи, казалось, не разошлись пути буржуазіи и революціонной демократіи, здѣсь возможно единеніе всѣхъ живыхъ силъ страны.

Дальнѣйшее, однако, показало, что вопросъ объ арміи, вопросъ о дисциплинѣ, и послѣ Совѣщанія рѣшается весьма различно.

При этомъ одни ставили во главу угла вопросъ объ оборонѣ, другіе—вопросъ о томъ, на чьей сторонѣ будетъ армія. Для однихъ въ созданіи сильной дисциплинированной арміи заключается средство спасенія родины, для другихъ—это величайшая угроза революціи. Это было откровенно высказано на Государственномъ Совѣщаніи, и стороны разошлись, не разсѣявъ взаимнаго недоверія. Связующія нити были тонки и слабы.

Если связующія нити съ самаго начала были тонки и слабы, то муссированіе «слуховъ» только еще болѣе ихъ ослабило. На Государственномъ Совѣщаніи революционными демократическими организаціями, руководимыми И. Г. Церетелли, были сдѣланы заявленія, что ради поднятія боеспособности арміи на ряду съ ея демократизаціей необходимы и восстановленіе дисциплины и суровыя репрессивныя мѣры для борьбы съ анархіей и неповиновеніемъ. Однако, спустя нѣсколько дней петроградскій совѣтъ раб. и солд. депутатовъ принялъ резолюцію противъ примѣненія смертной казни на фронтѣ, вопреки мнѣнію Церетелли, который на этотъ разъ уже не нашелъ поддержки въ рядахъ демократіи.

Вопросъ объ оборонѣ, о восстановленіи боеспособности арміи, о укрѣпленіи дисциплины былъ однимъ изъ кардинальныхъ вопросовъ Совѣщанія. Онъ былъ поставленъ и Временнымъ Правительствомъ, и высшимъ командованіемъ, вокругъ него шли дебаты, приведшіе какъ-будто къ нѣкоторому соглашенію, дававшему возможность Временному Пра-

вительству развивать в этом направлении начатые усилия. И в результате—зотумь революционной демократии, шедши в разрыв с действиями правительства, и с мнѣнием совѣщанія. На чью мельницу снова стали лить воду, достаточно ясно.

Дальнѣйшія потрясенія не заставили себя ждать. Послѣдовалъ прорывъ германцами нашего сѣвернаго фронта у Риги, ихъ переправа черезъ Западную Двину в районъ Икскюля и оставленіе нами Риги. Противникъ свой успѣхъ сталъ быстро развивать. Послѣдствія прорыва представляются весьма грозными. Не ради одной Риги начаты непоплетемъ операци на нашемъ сѣверномъ фронтѣ. Взятіе Риги и прорывъ нашей оборонительной линіи у Западной Двины можетъ отдать германцамъ всю Прибалтику и открыть путь къ столицѣ. Новая неудача можетъ разрастись въ громадное несчастье. Въ чемъ причина нашей неудачи? Причина несчастья заключаются все въ томъ же ослабленіи боеспособности нашей армии, въ ея развалѣ.

Это несчастье завершилось еще новымъ несчастьемъ: столкновениемъ между генераломъ Корниловымъ и Временнымъ Правительствомъ, смыслъ котораго еще не выясненъ. Чѣмъ вызвано это движеніе? Его породило недовольство въ командномъ составѣ противъ дѣйствіи совѣтовъ и комитетовъ, направленныхъ къ ослабленію дисциплины и власти военнаго начальства. Въ связи съ этимъ въ той же средѣ существовало недовольство и противъ Временнаго Правительства, которое проявляло большую нерѣшительность и колебаніе въ принятіи мѣръ къ возстановленію дисциплины въ армии. Армія на глазахъ у всѣхъ продолжала разлагаться. Она по прежнему оставалась втянутой въ поли и ку. При такихъ условіяхъ боеспособность армии не могла возстановиться. Это ненормальное положеніе нашей армии и создало почву для всякаго рода эксцессовъ и мятежныхъ выступленій. Но, на ряду съ этимъ, корниловское движеніе имѣетъ, конечно, и другіе корни. Эти корни—въ политической и социальной почвѣ. Это не только возстаніе воинскихъ частей. Это—политическое движеніе. Временное Правительство оказалось безсильнымъ установить твердую власть, оно не могло стать нейтральнымъ, дѣйствительно коалиционнымъ правительствомъ, наладить сотрудничество общественныхъ группъ. Оно или являлось послушнымъ орудіемъ одной стороны, или оказывалось лишеннымъ силы и вліянія. Столкновение и въ этомъ находить для себя почву.

Теперь надо со всей энергіей спѣшить залѣчить раны, нанесенныя роковымъ конфликтомъ, и окончательно его ликвидировать. Но надо извлечь изъ пережитаго надлежаще уроки. Армія должна быть уведена отъ политики и направлена къ принятой цѣли, защитѣ родины отъ наступающихъ полчищъ врага.

И другая задача явно указывается. Это—ослабленіе классової борьбы, организациа управления страной на началлахъ коалици и сотрудничества. Непрерывающаяся острая политическая борьба, несмягченная встрѣчей и переговорами на московскомъ Государственномъ Совѣщаніи, привела къ образованію какъ бы двухъ военныхъ становъ, готовыхъ ринуться въ междоусобную братоубийственную борьбу. Происшедшее возстаніе—проявленіе этой напряженной атмосферы борьбы. Теперь ясно, чѣмъ можетъ грозить такое непримиримое положеніе двухъ враждующихъ фронтовъ. Оно залетъ страну кровью и погубить ее. Это путь къ гибели обѣихъ сторонъ. Тутъ не можетъ

торжествовать одна сторона, побѣдителя не будетъ. Тутъ можетъ быть только *tertius g'udens* въ лицѣ Вильгельма съ его полчищами и тѣхъ его ставленниковъ, которые явятся нашими протекторами. Иного не можетъ быть. Уже не разъ было сказано, что безумная мысль низвергнуть существующи экономической строй есть «бунтъ противъ естественныхъ законовъ социального развитія». Этотъ строй можетъ только постепенно видоизмѣняться. Невозможно и никакой возвратъ къ прошлому. Выходъ—зъ сотрудничествѣ, въ коалици, въ единеніи живыхъ силъ страны. Пережитая катастрофа должна вывести страну на этотъ путь.

Н. Иорданскій.

ХРОНИКА ПРОСВѢТИТЕЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Общество политическаго просвѣщенія армии и широкихъ слоевъ населенія возникло двадцатаго апрѣля тысяча девятьсотъ семнадцатаго года. «Предпріятіе это задумано,—пишетъ предсѣдатель о-ва Т. И. Полнеръ,—не въ центрѣ, не въ столицѣ. Оно явилось естественнымъ откликомъ на многочисленные запросы съ мѣстъ. Армія и страна требуютъ печатной литературы и живого слова по политическимъ вопросамъ. Особенно сильно это теченіе въ армии. Всколыхнулось и растетъ съ каждымъ днемъ страстное стремленіе отнестись сознательно ко всему, что переживаетъ Россія. Интересъ возбужденъ не только къ политическимъ и социальнымъ вопросамъ. Неожиданно проявилась жажда къ общему образованию, къ грамотности. На фронтѣ, въ передовыхъ линіяхъ, въ виду непріятеля—растутъ, какъ грибы послѣ благодатнаго теплаго дождя, первоначальныя школы, школы грамоты. Комитеты отдѣльныхъ воинскихъ частей обсуждаютъ программы, выбираютъ изъ своей среды учителей, удумываютъ хозяйственную часть, шлютъ ходоконъ за разборными азбуками, букварями, задачками, книжками для первоначальнаго чтенія. Заводятся и любовно устриваются переносныя библиотечки для чтенія (преимущественно—по вопросамъ политическимъ и социальнымъ). Выборные библиотекари стремятся примѣнить къ своимъ 25—50 книжечкамъ всѣ правила библиотечнаго дѣла». Внести планомѣрность въ область политической просвѣтительной дѣятельности, подготовить почву для правильнаго воспріятія партинной пропаганды въ періодъ выборной кампаніи,—такова цѣль общества политическаго просвѣщенія. Такая подготовка рисуется учредителямъ общества, какъ безпартійное, научно-объективное освѣдомленіе широкихъ слоевъ населенія и солдатъ съ элементами политической мысли. При этомъ учредители объединились на слѣдующихъ положеніяхъ по вопросамъ, наиболее остро выдвинутымъ настоящимъ моментомъ: 1) признаніе необходимости поддержки Временнаго Правительства въ осуществленіи обнародованной имъ программы; 2) признаніе необходимости закономъ установленной дисциплины при отправленіи воинской службы; 3) признаніе необходимости продолженія войны въ цѣляхъ защиты родины и завоеваній революци и въ полномъ единеніи съ союзными демократическими странами. Непосредственными задачами общества являются: а) устройство лекцій и собесѣдованій; б) сношеніе съ лекционными силами и подготовка ихъ; в) группировка и объединеніе литературныхъ и научныхъ силъ для созданія соответствующей литературы; г) ознакомленіе съ брошюрной и газетной литературой всѣхъ издательствъ Россіи, преслѣдующихъ цѣли просвѣщенія народа; д) созданіе постоянной выставки этой литературы; е) изданіе періодическаго обзора выходящей литературы, съ краткими рецензіями; ж) подборъ библиотечекъ для солдатскихъ и народныхъ читаленъ. Общество издастъ бюллетени, гдѣ печатаются свѣдѣнія о ходѣ его работы, и библиографическія замѣтки о выходящей литературѣ для народа.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.

Изъ числа журналовъ, преслѣдующихъ просвѣтительныя задачи и стоящихъ на точкѣ зрѣнія безусловной безпартійности, выдѣляются «Бюллетени литературы и жизни», отличающиеся объективностью, богатствомъ и разнообразіемъ матеріала и чуткостью къ духовнымъ запросамъ современности. «Бюллетени» являются журналомъ новаго типа, задача кото-

раго состоитъ въ томъ, чтобы изъ крайне обильнаго печатнаго материала, ежедневно выбрасываемаго на книжный рынокъ, по возможности полнѣе извлекать все то, что характеризуетъ идейную сторону современной жизни, что не носитъ характеръ случайности, а имѣетъ длительный интересъ, что раскрываетъ жизнь въ ея основѣ, что углубляетъ душу читателя и расширяетъ его умственный кругозоръ. Группа лицъ, объединившихся вокругъ журнала, поставила для себя цѣлью регулярно и неуклонно слѣдить за всею текущею литературою (пока только русскою) въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Съ этой цѣлью она получаетъ большинство журналовъ и газетъ, издающихся въ Россіи, а также и всѣ вновь выходящія книги, просматриваетъ ихъ, извлекаетъ изъ этого моря печатныхъ листовъ все наиболее цѣнное—не съ точки зрѣнія какой-либо узкой специальности, а съ точки зрѣнія читателя-общечеловѣка, требующаго отъ литературы прежде всего отвѣта на свои духовныя запросы,—и весь собранный такимъ путемъ матеріалъ въ сконцентрированномъ и доступномъ для широкаго круга читателей изложеніи запечатлѣвается на страницахъ «Бюллетеней». Въ литературномъ отдѣлѣ журнала печатаются статьи (точнѣе—экстракты статей), очерки, обзоры, вообще произведенія, въ томъ числѣ и художественныя, по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, извлекаемымъ или составляемымъ по текущему печатному матеріалу, поступающему на книжный рынокъ какъ въ видѣ отдѣльныхъ книгъ, такъ и въ видѣ периодическихъ изданій. При выборѣ матеріала редакция руководствуется не сенсацией и не только одною занимательностью чтенія. Главнымъ образомъ она стремится къ тому, чтобы предлагаемые вниманію читателей статьи, обзоры замѣтки, равно какъ и новинки беллетристики и поэзіи, по возможности, всесторонне отражали картину идейной, духовной жизни современности. Въ библиографическомъ отдѣлѣ «Бюллетеней» дается: 1) перечень новыхъ книгъ съ краткимъ содержаниемъ ихъ или характеристикой—въ видѣ выдержекъ изъ предисловій, вступлений и пр.; 2) сводка рецензій о новыхъ книгахъ; 3) содержание (около 80) ежемѣсячныхъ и двухнедельныхъ журналовъ общаго и specialнаго характера; 4) подробные библиографическіе указатели по отдѣльнымъ вопросамъ. Съ сентября текущего года журналъ «Бюллетени Литературы и Жизни» превращается въ еженедѣльный органъ. На ряду съ преобладавшимъ до сихъ поръ матеріаломъ чисто литературнаго характера, въ новомъ еженедѣльникѣ будетъ отведено гораздо больше, чѣмъ прежде, мѣста вопросамъ текущей жизни. Такимъ образомъ, «Бюллетени» отнынѣ будутъ широко отражать на своихъ страницахъ не только литературу, но и жизнь во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ. Выявленіе сокровеннаго смысла явленій жизни безконечно цѣннѣе какого угодно подбора и группировки однихъ только голыхъ фактовъ, хотя бы и очень многочисленныхъ и разнообразныхъ. Правда, подборъ и систематика фактовъ даетъ довольно полную картину жизни, но картину чисто внѣшнюю, которая не просвѣтляетъ, а скорѣе затемняетъ умы ее созерцающихъ. Наоборотъ, выявленіе идеи факта, раскрытіе его глубокаго смысла, даетъ руководящую нить въ жизни, а это въ настоящее время особенно важно. Выявленіе идеи факта, раскрытіе смысла явленій, будетъ составлять главную, основную задачу журнала. Раскрытіе это будетъ производиться не съ предвзятой точки зрѣнія, не съ точки зрѣнія той или другой партіи, а съ точки зрѣнія надпартійной.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНИЕ ОТДѢЛА ВРЕМЕННОГО КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

Московское Отдѣленіе Отдѣла Временнаго Комитета Государственной Думы по сношенію съ войсками и населеніемъ образовалось въ концѣ апрѣля сего года. При основаніи оно поставило себѣ цѣлью обслуживать распространеніемъ безпартійной политической литературы центральную Россію—19 срединныхъ губерній, къ которымъ позже присоединена была 20-я. Оренбургская, а также войсковыя части на фронтѣ.

Активная работа Отдѣленія—адресъ его: Мясницкая, 27,—началась съ начала мая и идетъ съ тѣхъ поръ, постепенно и неуклонно разрастаясь въ своихъ размѣрахъ. Отдѣленіе выписываетъ и закупаетъ литературу и затѣмъ раздаетъ, продаетъ и разсылаетъ ее. Собственнаго издательства Отдѣленіе не имѣетъ, и съ его штемпелемъ вышла

всего одна брошюра—«Рѣчь Керенскаго». Выписка изданій другихъ издательствъ производится лишь послѣ тщательной оцѣнки книги рецензентскою комиссіей съ точек зрѣнія ея доступности для читателя, научной добросовѣстности и соответствія той цѣли, которой служитъ Отдѣленіе; основаніемъ выписки служитъ отзывъ, даваемый о книгѣ, лицомъ специально слѣдящимъ за поступающими новинками. Книги выписываются обычно въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ каждой, и большинство издателей дѣлаютъ Отдѣленію скидку отъ 30% до 50% съ номинальной стоимости книги; нѣкоторыя книги и въ большихъ количествахъ поступаютъ бесплатно, въ видѣ пожертвованій. Количество одобренныхъ Отдѣленіемъ и распространяемыхъ имъ книгъ доходитъ до 170 названій. За май и июнь Отдѣленіемъ было получено около 2 миллионъ экземпляровъ брошюръ, изъ которыхъ около миллионъ разошлось на фронтъ и въ провинціи и около полумилліона роздано на руки. Изъ полученныхъ пожертвованій особенно слѣдуетъ отмѣтить 50.000 экземпляровъ брошюры «Задачи свободной Россіи», полученныхъ Отдѣленіемъ отъ Французской миссии, и 50.000 экземпляровъ изданій Комитета займа Свободы. Помимо брошюръ Отдѣленіе получаетъ и распространяетъ рядъ периодическихъ изданій. Въ июнѣ Отдѣленіе распространило около миллионъ экземпляровъ брошюры, въ полѣ—до полутора миллионъ. Разсылаемые и раздаваемые въ большомъ количествѣ циркуляры Отдѣленія, знакомяще съ платформой Временнаго Комитета и съ характеромъ его дѣятельности, привлекаютъ въ Отдѣленіе рядъ запросовъ на литературу. Раздается литература тѣмъ организациямъ, которыя непосредственно черезъ делегатовъ обращаются въ Отдѣленіе. Для полученія требуется лишь имѣть удостовѣреніе отъ члена или организатора. Въ случаѣ, если у получающей организации ассигнованы средства на покупку книгъ—Отдѣленіе продаетъ книги со скидкой не менѣе 50%, въ противномъ случаѣ литература выдается бесплатно. У Отдѣленія имѣются связи съ другими аналогичными просвѣтительными обществами, особенно съ Обществомъ младшихъ преподавателей. Отдѣленіе получаетъ отъ нихъ ихъ изданія и съ другой стороны продаетъ имъ изданія Временнаго Комитета. При Отдѣленіи образованъ коллективъ изъ общественныхъ дѣятелей, собирающийся еженедѣльно для рѣшенія наиболее важныхъ вопросовъ, имъ вырабатывается смѣта и рѣшаются организационныя вопросы; председателемъ Отдѣленія состоитъ членъ Государственной Думы М. М. Новиковъ, завѣдуетъ Отдѣленіемъ И. Н. Сахаровъ, въ послѣднее время въ работахъ Отдѣленія принимаетъ участіе членъ Временнаго Комитета Н. Н. Львовъ.

В. С.

Московская Просвѣтительная Комиссія.

БРОШЮРЫ:

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

1. ПР.-ДОЦ. Н. П. АНУФРИЕВЪ. Новѣйшая республиканская конституція (Португалія). Ц. 40 к.
2. ПР.-ДОЦ. Н. П. АНУФРИЕВЪ. Два русскихъ учредительныхъ собраній (1813 и 1917 гг.). Ц. 30 к.
3. Н. А. ВЕРДЯЕВЪ. Народъ и классы въ русской революціи. Ц. 25 к.
4. Н. А. ВЕРДЯЕВЪ. Возможна ли социальная революція? Ц. 30 к.
5. Е. ВОРИСОВЪ. Гражданинъ и обыватель. Ц. 30 к.
6. А. ОГЛИНЪ. Демократическая организація арміи. Ц. 30 к.
7. ПРОФ. Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ. Что такое социализмъ? (Печатается).
8. ПРОФ. В. П. ВЪШЕСЛАВЦЕВЪ. Анархизмъ. (Печатается).
9. В. Г. ГРЕЧЕВЪ. Государство и церковь въ смутное время (Печат.).
10. ПР.-ДОЦ. С. Ф. КЕЧЕКЪЯНЪ. Что такое свобода (Печатается).
11. ПРОФ. Е. В. СПЕКТОРСКІЙ. Что такое конституція II. 30 к.
12. ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. Власть народа. (Печатается).
13. ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. Михаилъ Бакуиня и бунгарі 1917 года. (Печатается).
14. ПРОФ. А. С. ЯЩЕНКО. Что такое федеративная республика и желательна ли она для Россіи.
15. ПР.-ДОЦ. Н. П. ФЮЛЕТОВЪ. Церковь и государство. Ц. 30 к.
16. ВОРИСЪ ЗАЩЕВЪ. Вѣзда о войнѣ. Ц. 25 к.
17. ПРОФ. А. А. СОВОЛЕВЪ. Земельный вопросъ. Ц. 25 к.
18. ПРОФ. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Пропорціональные выборы. Ц. 30 к.
19. ПРОФ. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Что нужно знать каждому русскому гражданину объ учредительномъ собраніи. Ц. 30 к.
20. ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. Монархія и республика. (Печатается).
21. А. ПОЙМИНОВЪ. Единная и нераздѣльная Россія. (Печатается).
22. Н. Ф. ЕЗЕРСКІЙ. „Чего хотѣть нѣмцы и чего хотѣть мы съ союзниками“. Ц. 40 к.
23. ВЛ. ОСТРОВСКІЙ. Прямое народное законодательство. Ц. 30 к.

Адресъ конторы издательства: Москва, В. Дмитровка, 13, кр. 18. Тел. 2-39-96.

Редакторъ: Г. И. Чулковъ. Издатель: Московская Просвѣтительная Комиссія при Временномъ Комитетѣ Государственной Думы.

Типографія Товарищества Рябушинскихъ, Страстной бульваръ, Путинковский пер., соб. домъ.